

Иван Забелин

Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях

Часть I. Государев двор, или Дворец

Глава I

Вступление. Общее понятие о князем дворе в Древней Руси. Двор первых московских князей. Общий обзор древних хоромных построек в Великой Руси. Способы построек, или Плотничное дело. Состав деревянного государева дворца. Каменный дворец, воздвигнутый в конце XV века. Его расположение в начале XVI века. История дворца при Иване Васильевиче Грозном и его преемниках. Дворцовые здания в Смутное время, или в Московскую Разруху. Обновление дворца и новые постройки при Михаиле Федоровиче. Новые украшения дворца при Алексее Михайловиче. Распространение и украшение дворца при Федоре Алексеевиче и в правление царевны Софьи. Расположение дворца и его состав в конце XVII ст. Запустение и постепенное разрушение дворцовых зданий в XVIII ст.

Старый русский домашний быт и особенно быт русского великого государя со всеми своими уставами, положениями, формами, со всею порядливостью, чинностью и чтивостью наиболее полно выразился к концу XVII ст. Это была эпоха последних дней для нашей домашней и общественной старины, когда все, чем была сильна и богата эта старина, высказалось и закончилось в такие образы и формы, с которыми, по тому же пути, дальше идти было невозможно. Москва, сильнейшая из жизненных сил старой Руси, в эту замечательную и любопытную эпоху отживала свой век при полном господстве исторического начала, которое ею было выработано и водворение которого в жизни стоило стольких жертв и такой долгой и упорной борьбы. *Политическое единство* Русской земли, к которому неизбежно вели московские стремления и предания, являлось уже неоспоримым и несомненным делом и в умах самого народа и для всех соседей, когда-либо протягивавших руку за нашими землями. Представитель этого единства, московский великий государь, самодержец всея Руси, стал в отношении к земству на недосягаемую высоту, о которой едва ли и помышляли наши далекие предки. Ничего соответствующего этому «пресветлому царскому величеству» в древней нашей жизни мы не видим. Правда, идея царя была хорошо знакома нам еще с

первых веков нашей истории, особенно когда деятельны были наши связи с Византией. Царь греческий представлялся для нас типом самодержавной, ничем не ограниченной власти, типом высокого и великого сана, к которому доступ сопровождался изумительною для простых глаз торжественностию и обстановкою несказанного блеска и великолепия. Обо всем этом достаточное понятие мы получили еще со времени варяжских походов на Царьград. Понятие это не угасало и в последующие века, распространяемое особенно духовенством, греческим и русским, по случаю частых его сношений с Царьградом. Книжные люди тех веков, обыкновенно тоже церковники, изредка приписывали этот титул и русским князьям из желания наиболее возвысить их сан и значение, по крайней мере, в собственных глазах, из желания сказать наиболее усердного и раболепного в похвалу доброму князю. Позднее, тем же титулом стали мы величать царя Ордынского, потому что как же иначе, т. е. понятнее для всех, могли мы обозначить характер ханской власти и характер его господства над нашею землею. Новое явление мы назвали соответственным ему именем, которое, как представление, давно уже существовало в умах, с которым с давнего уже времени соединялось довольно определенное и знакомое всем понятие. У себя дома, среди своих князей, мы не находили

ничего соответственного этому имени. И если иногда обзывали их так, то, как мы упомянули, единственно из особой угодливости и подобострастия, которыми большею частую руководилась в своих похвальных словах наша старинная книжность.

Тип *великого* князя Древней Руси не был очерчен резко, определенно. Он терялся среди собственного княжеского племени, среди дружинников и вечевых городов, пользовавшихся почти равною самостоятельностью голоса, власти и действий. Черты этого типа пропадают в общем строе земли. Он не вдруг приобретает даже имя *великого* и просто именуется «князем» с прибавлением изредка титула «господин», что показывало только вообще властное его значение. Книжники, вспоминая апостольское писание, присвоивают ему иногда значение «божьего слуги», который «не напрасно меч носит, но в месть злодеям, в похвалу же добродеем». Именуют его «главою земли»; но это были представления отвлеченные, собственно книжные; в действительной жизни им мало внимали. С именем князя повседневные понятия времени соединяли только значение главного судьи и воеводы, хранителя правды и первого воина земли. Как скоро правда была нарушена поступками князя, он терял доверие, лишался княжества, а иногда и самой

жизни. Вообще он был «стражем Русской земли» от врагов внутренних, домашних, и от врагов иноплеменных. За то земля его *кормила* и он сам не простирает своих видов дальше права на это *кормление*. Кормление вместе с тем обуславливало общее владение землею в княжеском племени и, следовательно, личную зависимость князя, хотя бы и великого, не только от родичей, но даже и от дружинников, потому что и те были участниками кормления и общинного владения землею, участниками в оберегании правды и в защите земли от врагов. Понятно, почему великий князь и для земства становился не более как кормленщиком, не главою земли, а главою таких же кормленщиков, вождем дружины; понятно, почему и отношения его к земству были так непосредственны и просты. В те простодушные века очень часто слышались на вечевых сходах оживленные речи и споры, в которых люди веча и князь высказывают какие-то братские, совершенно равные отношения. Не станем говорить о том, насколько в этих оживленных беседах обнаруживается сознательно выработанных определений жизни. Может быть, здесь в большей мере высказывается лишь простодушное и прямодушное наивное детство общественного развития, каким отличается вообще первое время в жизни всех исторических народов.

«А мы тебе кланяемся, княже, а по-твоему не

хотим» — вот стереотипная фраза, которую выражалось несогласие с княжескими требованиями и притязаниями, выражалось вообще самостоятельное, независимое решение дела. «Тобе ся, княже, кланяем» значило то же, что «ты себе, а мы себе», что по-твоему не сделается. Князя с своей стороны людей веча не называют ребятами, а обращаются к ним с обыкновенным народным приветом: *братье! братья моя милая!* — вызывает к новгородцам древний Ярослав, прося помощи на Святополка; *братья володимерцы!* — вызывает князь Юрий, прося защиты у владимирцев; *братья мужи псковичи! кто стар, то отец, кто млад, той брат!* — восклицает Домонт псковский, призывая псковичей на защиту отечества. Все это речи, характеризующие древнейший склад княжеских отношений к земству, выясняющие тип древнего князя, каким он являлся в действительности, в народных понятиях и представлениях.

Какое неизмеримое различие этого типа от другого, который именовался впоследствии великим государем и к концу XVII ст. принужден был запретить земле, под страхом великой опалы, писать ему в челобитных: «Умилосердися, яко Бог» или: «Работаю я холоп ваш вам великим государем, яко Богу». Много нужно было времени, а еще более гнетущих обстоятельств, чтобы жизнь привела понятия массы к такому принижению. Новый тип

созидался постепенно, шаг за шагом, под гнетом событий, под влиянием новых жизненных начал и книжных учений, его распространявших и утверждавших.

Несмотря, однако ж, на расстояние, которое отделило каждого земца от «пресветлого царского величества», несмотря на порядки быта, по-видимому, столько различные и чуждые преданиям древности, великий государь, при всей высоте политического значения, на волос не удалился от народных корней. В своей жизни, в своем домашнем быту он остается вполне народным типом хозяина, главы дома, типическим явлением того строя жизни, который служит основой экономического, хозяйского быта во всем народе. Одни и те же понятия и даже уровень образования, одни привычки, вкусы, обычаи, домашние порядки, предания и верования, одни нравы — вот что равняло быт государя не только с боярским, но и вообще с крестьянским бытом. Различие обнаруживалось только в большем просторе, в большей *прохладе*, с которою проходила жизнь во дворце, а главное только в богатстве, в количестве *золота* и всяких драгоценностей, всяких *цат*, в которых, по мнению века, несравненно достойнее представлялся всякий сан, а тем более сан государя. Но это был только *наряд* жизни, нисколько не изменявший

существенных ее сторон, существенных ее уставов и положений и не только в нравственной, но и в материальной среде. Изба крестьянская, срубленная во дворце, для государева житья, убранная богатыми тканями, раззолоченная, расписанная, все-таки оставалась *избою* в своем устройстве, с теми же лавками, коником, передним углом, с тою же мерою в полтретьи сажени, сохраняя даже общенародное имя избы. Стало быть, жизнь во дворце, по существу потребностей, нисколько не была шире жизни в крестьянской избе; стало быть, тамошние начала жизни находили себе вполне соответственный, наиболее удобный приют в той же избе.

Самый титул царя: *великий государь* — может отчасти раскрыть, что новый тип политической власти вырос «на старом кореню». Первоначальное значение слова «государь» затемнено было, особенно в позднейшую эпоху, невероятным распространением этого значения в политическом смысле, а вместе с тем заученными понятиями и представлениями о государстве и государе как отвлеченных теоретических идеях, о которых древняя наша действительность, почти до самой реформы, очень мало или и вовсе не мыслила. Только во второй половине XVII ст. мелькает мысль о *вопчем народе*, как говаривал царь Алексей, все еще считавший Московское

государство своею вотчиною.

Прежде всего должно заметить, что в древнее время титулов в собственном смысле не существовало. Все теперешние титулы есть собственно археологические достопамятности, сохраняющие только память о давнишней действительности, смысл которой трудно воскресить и научным образом. Между тем в древности каждое имя заключало в себе живой, действующий смысл. Так, слово *князь*, которым земля именовала каждое лицо, принадлежавшее Рюрикову племени, было словом, вполне и точно определявшим истинный, живой смысл, какой возникал из характера княжеских отношений к земле. Права, достоинство князя как известного общественного типа были достоянием только лиц княжеского же рода и никому другому принадлежать не могли. Как скоро племя расплодилось и простое обычное достоинство князя потребовалось возвысить для лиц, стоявших почему-либо впереди и, следовательно, выше других, тотчас же к имени — князь — стали прибавлять прилагательное: великий, что значило старший, большак. Этим титулом жизнь обозначила, что достоинство князя, от раздробления на мелкие части, утратило прежнее значение, измельчало, износилось и что, след., наступила новая фаза в развитии княжеских

отношений. Тем же путем прошел и титул *великого князя*. Сначала он обозначал только старшего во всем племени, а позже — старшего в своей волости, так что к концу фазы почти все самостоятельно владеющие князья стали именоваться великими. Таким образом снова обнаружилось измельчание великокняжеского достоинства. К XV веку не только тверский или рязанский, но даже и *пронский* князь именуется уже себя великим князем, и именно в то время, когда поступает в подручники, в *службу* господину *осподарю* (Витовту). Это новое имя явилось на смену прежнего, отжившего имени и начало новую фазу развития земских понятий о достоинстве князя. Понятие: *осподарь*, *государь*, развилось уже на туземной почве, из элементов, которые были выработаны самою жизнью. Оно, по свойству своих жизненных сил, в самом уже начале показывало, что стремится совсем упразднить первоначальное общее и притом пришлое достоинство князя, упразднить самое понятие об этом достоинстве, что в точности и случилось, когда эта фаза достигла полного развития. В XVII ст. многие князья Рюрикава племени смешались с земством и навеки забыли о своем княжеском происхождении. Таким образом тип древнего князя, переходя в своем развитии из фазы в фазу, к концу пути вовсе разложился, угас, оставив по себе одно имя как археологическую редкость и

достопамятность.

В древнейших жизненных отношениях, рядом с именем князь, существовало другое, такое же типическое имя: *государь*. Вначале оно служило типом частной, домашней жизни, типом хозяина-собственника и, само собою разумеется, отца семейства, главы дома. Еще в «Русской правде» словом *государь*, *осподарь* обозначается, вместе с словом *господин*, *хозяин собственности*, *домовладыка*, *вотчинник*, вообще *сам*, как часто теперь выражаются о хозяине и как в древности выражались о князьях, *державших* независимо свою волость, именуя их *самодержцами*. *Осподою* называлась семья в смысле независимого, самостоятельного хозяйства, которое и до сих пор на юге носит название *осподы*, *господарства*. *Господою* называется самый Новгород в смысле правительственной, судной власти; *осподою* назывались собирательно судьи, начальство и вообще господская власть. *Господарь*, след., было лицо, совмещавшее в своем значении понятия о главе дома, о непосредственном правителе, судье, владельце и распорядителе своего хозяйства. Домострой XVI века для наименования хозяина и хозяйки не знает другого слова, как *государь*, *государыня* (изредка также *господарь*, *гос-подарыня*). Свадебные песни величают *государем* батюшку, *государынею* — матушку. В

том же смысле московские удельные князья именуют своего отца и свою мать, придавая еще этого титула великому князю и чувствуя его только именем господина.

Приводя эти указания, мы желаем только напомнить, что именем «государь» обозначался известный тип жизненных отношений, именно властный, обратная сторона которого выставляла противоположный тип раба, холопа или вообще слуги. Осподарь был не мыслим без холопа, так как и холоп не был бы понятен без осподаря. Как тип частного, собственно домашнего строя жизни, он существовал везде, во всех народностях и во все времена, существует повсюду и в наши дни, более или менее смягченный распространением гуманного, то есть христианского, просвещения. Почти везде этот тип пересилил другие общественные формы быта и стал во главе политического устройства земли как исключительное, единственное жизненное начало. Естественная его сила всегда сохранялась в народных корнях, в господстве того же типа в частной, домашней жизни, в понятиях и представлениях народной массы. Изменялось свойство этих корней, изменялся в своем виде и характер и этот тип.

Когда, в древнекняжеских отношениях, общее владение землею и частый передел этого общего

владения отжили свое время, а между тем земство не успело выработать себе прочной политической формы, которая могла бы, как твердыня, защищать его от княжеских захватов и отчинных притязаний, князя, мало-помалу, по праву наследства, стали делаться полными собственниками своих наследственных волостей, а вместе с тем, по естественной причине, стали приобретать и новый титул, обозначающий очень верно существо самого дела, т. е. их новое отношение к земле. Земля вместо изветшавшего, только почетного уже титула, — господин, — начала обзывать их *государями*, т. е. не временными только, а полными и независимыми хозяевами своей собственности. Прежний титул господина, сделавшийся выражением обыкновенной вежливости и почтения, имел и в самом начале довольно общее значение, по крайней мере, более обширное, чем слово государь, которое, в отношении к слову господин, точно так же обнаруживало новую фазу в развитии господина, т. е. вообще лица властвующего, и в первое время не было даже и титулом. Оно очень определенно и точно обозначало известный всем предмет, известный склад жизни, известный разряд людей, пользовавшихся самостоятельным исключительным значением, и потому с такою разборчивостью различалось собственно от титула — господин, особенно в то время, когда в

политических земских отношениях это различие сделалось слишком очевидным, именно в борьбе Новгорода с Москвою. Если господином наша древность называла князя и вообще всякое почетное и почему-либо высшее лицо, то государем она обозначала по преимуществу только лицо владеющее, самовластительное и самодержавное в отношении его хозяйства, его семьи и собственности. Вот почему к имени *осподарь* стали прибавлять и титул *господина*: *господин государь* Новгород Великий, *господин государь* князь великий Московский. В частной сфере каждый хозяин дома был таким осподарем — самовластителем, и против этого не только никто не спорил, но всякий старался, помощью предания и книжного учения, поддерживать и распространять такое значение владыки дома. Когда же это господарское начало явилось действующим и в сфере общих земских отношений, его не поняли или, вернее, не желали понимать. Отсюда-то и выходила борьба отдельных вотчинников — князей, отдельных самостоятельных волостей, или земель, борьба, более или менее продолжительная и суровая, смотря по тому, где она возникала, т. е. где памятнее и крепче была вечевая или господарская старина.

В замене прежнего выражения: *княжить*, которым обозначали свойство, характер княжеских

отношений к земле, явилось новое слово: *государить*, выражавшее совсем иной смысл, иной характер этих отношений. Точно так же и слово *княжество*, определявшее деятельность, строй и порядок тех же отношений, а вместе с тем и самую землю, по которой распространялась эта деятельность, заменено было новым выражением: *государство*, имевшим новый смысл, весьма различный от прежнего. Дальнейшее политическое развитие присвоило этому последнему слову гораздо обширнейшее знаменование, упразднив в его значении все *личное*, частное, так сказать *местное*, именно то понятие, с каким вел. кн. Иван Васильевич вопрошал новгородцев — какого они хотят государства?

Как только идея господарства распространилась по всей земле и все самостоятельные князья-вотчинники стали именоваться государями, когда даже и самому Новгороду присвоивался уже титул господина-государя, тотчас же потребовалось отличить первенствующего государя от остальных, на которых этот первенствующий имел отчинные права и смотрел как на подчиненных. Подобно тому, как в прежнее время старший из князей приобретал, в отличие от младших, титул *великого*, так и старший, главный государь, государь в государях, стал именоваться *великим* государем,

также великим государем *земским*, когда хотели его отличить от других государей, имевших частное значение, каковы, напр., были митрополиты и архиепископы, которым, выработавшиеся в том же направлении понятия народа, также присвоивали титул государей и осподарей; наконец, великим государем русским, *всяя Руси*.

Значение такого государя в государех приобрел, как известно, государь Московский. Но, как ни было высоко это политическое уже значение титула, существенный его смысл нисколько не изменился и оставался долго тем же, чем был вначале, т. е. чем был в частном домашнем быту народа. Великий государь Московский, с распространением своего политического могущества, присоединивши к прежним еще новые, более соответственные своему значению, титулы царя и самодержца, — на деле, в действительности, оставался все тем же государем, осподарем. Мы хотим сказать, что, в простом и удобопонятном, а главное наиболее точном и верном смысле, это был помещик с широкими царственными размерами жизни, которые явились почти незаметно, сами собою, как необходимое, совершенно неизбежное условие новых политических отношений и потребностей. При этом нельзя забывать, что новые потребности и отношения развились по преимуществу на почве иноземных сношений, на

почве жизни с соседями. Дома, в отношении к земле, они никогда не могли бы вырасти с такою силою и в таком просторе. Здесь, как всегда и во всем, большом и малом, выразилось простое повседневное стремление жизни *казаться* перед другими в большем достоинстве и славе. Лишь для чужих только нужно было представлять это необыкновенное величие сана, обставлять азиатскими декорациями, торжественностью, блеском каждый шаг, особенно в приемах и проводах иноземных послов и гостей. Только пред чужими нужно было выситься, являть свое могущество, неисчислимое богатство, одним словом, являть себя с достоинством, которое возвышало бы значение, силу и славу земли. Действительно, царственная обстановка московского государя, царственные формы и порядки его быта, как и высота его сана, вырастают постепенно, по мере того, как усложняются, развиваются наши заграничные сношения, по мере встреч, знакомств и столкновений в общей политике иноземных государств, а особенно наших соседей, перед которыми Москва никогда не думала оставаться в худых. Ее задачей было во что бы ни стало перегнуть этих соседей, разумеется, на первый раз, хотя внешним величием, внешним могуществом, ибо о могуществе внутреннего развития тогда и соседи еще мало помышляли.

Отличительная черта ее политики в том именно и заключается, что она привыкла во всех трудных обстоятельствах надеяться более на себя, на собственные силы и средства, не отыскивая опоры где-нибудь по сторонам. Этим-то путем и было достигнуто политическое могущество и первенство.

Но как ни были широки и царственны размеры быта, усвоенные по этому пути московским государем, в общих чертах, в общих положениях быта и даже в мелких частностях, они нисколько не удалились от обычных исконных, типических очертаний русской жизни. Московский государь оставался тем же князем-вотчинником, с значением которого, почти за четыреста лет до реформы, он начал свой исторический подвиг.

Вотчинный тип отражался на всех мелочах и порядках его домашней жизни и домашнего хозяйства. Это был простой деревенский, след., чисто русский быт, нисколько не отличавшийся, в основных чертах, от быта крестьянского, сохранявший свято все обычаи и предания, весь строй и все начала древней русской жизни в той ее форме, какая была выработана веками для отдельного, единичного, частного хозяйства и домоводства, для отдельного, независимого существования русской семьи, более или менее достаточной, зажиточной и домовитой. Сквозь великолепные по-азиатски, ослеплявшие блеском и

богатством декорации царственного сана виднелась до крайности простая и наивная, общая всему народу, действительность, равнявшая, в этом смысле, особу государя с последним *сиротою* его государства, т. е. со всяким хозяином-домовладыкой из посадских слобод и крестьянских деревень, не говоря уже о помещиках и вотчинниках из служилого сословия, где тип государя-хозяина являлся преимущественным определением жизни и всех условий быта. Иначе, впрочем, и не могло быть, ибо начала, истоки жизни были по всей русской земле одни и те же; и там и здесь, на севере, как и на юге, ничем существенно не различались и потому складывались в один и тот же строй и порядок, в одну и ту же форму. Спешим оговориться и напомнить, что здесь мы говорим не об общественных политических началах жизни, а только о домашних, о началах жизни единичной, а не общей; только о *доме*, о *дворе*, а не о *земле*.

Самая так называемая государственная служба, в простом смысле, представляла только вид службы вотчиннику, службы лицу, а не отвлеченному понятию отечества или государства. Быстрое развитие вотчинного типа на московской почве втянуло в себя и древнее дружинное начало, пользовавшееся до того времени равным правом самобытности и самостоятельности.

Друзья-товарищи походов и думы очень скоро обратились в *слуг*, и имя *слуги* сделалось самою высшею наградою за службу вообще. Древнее выражение: *страдать* за Русскую землю, заменилось новым: *служить* Государю.

Таким образом, то, что в древнее время представляло только условие частной домашней жизни, условие, не имевшее никакого особенного значения для земства, именно *служба* лицу, это самое с развитием вотчинности, или господарства, приобретает, вместе с лицом самого господаря, общее политическое значение. Княжедворцы, князии слуги, вытесняют дружинников, становятся впереди, потому что впереди всей земли становится и тип вотчинника-господаря, не признававший, по существу своих стремлений, никаких других, совместных его лицу, прав и преимуществ; смотревший на все с точки зрения полного самовластительного владыки и хозяина. Дружинное начало, за которое так держались древние князья-дружинники, так чествовали и берегли его, видя в нем почти единственную опору для своих отношений к земле, князь-вотчинник признает чуждою, непонятною и враждебною формою жизни и употребляет отчаянные усилия, чтоб искоренить и самую память о нем. Он чествует и бережет только верных, *прямых* своих *слуг* и вносит в ветхую уже среду славной и сильной некогда дружины имя

слуги как высшую почесть. Торжество господарских идей вполне выразилось в понятиях, поступках и убеждениях грозного царя Ивана Васильевича, характер которого будет еще понятнее, если мы представим его обыкновенным вотчинником-господарем, каких и в его время и в гораздо позднюю эпоху было немало в Русской земле. Он не слишком понятен для нас лишь по размеру, в котором обнаружались господарские стремления, требования и поступки. Его приснопамятная челобитная к великому князю всей Руси Симеону Бекбулатовичу, в которой он именуется *Иванцом Васильевым Московским*, раскрывает до очевидности господарский взгляд и на служилое сословие земли. Этот Иванец бьет челом, просит милости *освободить* его перебрать людишек бояр и дворян, и детей боярских, и дворовых людишек: чтоб иных прочь отослать, а иных оставить... *освободить* его выбирать и принимать *изо всяких людей*... Просит указать, как ему своих мелких людишек держати, просто, без крепостных записей, «или велишь на них *полные* (кабалы) имати», заключает челобитчик, выражая тем в полной мере свой господарский крепостнический взгляд на боярство.

Действительно, служба бояр и вообще сановников существенно была тем же, чем служба домовных людей. Они были обязаны служить до

последней физической возможности, обязаны были каждый день с утра рано являться во дворец, челом ударить государю, и запоздалый их приезд, без причины, всегда влек за собою гнев и немилость государя. Без спроса у государя они не смели выехать из Москвы даже в ближайшие свои подгородные села и дачи, хотя бы на один только день, для гулянья или для какого дела. «Да не токмо для гулянья своего отпрашиваются, — присовокупляет Котошихин, — но когда прилучится им которого дни друг у друга быта в гостях, на свадьбе, или на крестинах, или на именинах, и они отпрашиваются по такому же обычаю». Царь Алексей Михайлович в своей *потешной* челобитной к боярам, зовя их на медведя, залегшего в селе Озерецком, и прося непременно приехать на охоту, делает в шутках каждому попреки, кого чем одолжал: «А я всем вам поступался, кто о чем бил челом», и, обращаясь между прочим к князю Куракину, замечает: «А ты, боярин князь Федор Семенович, бивал челом *по часту* в деревню, и я тебя всегда жаловал, отпускал... и вы попомните все скорую мою милость к себе...»¹

Некоторые свадебные чины XVI ст.

¹ Зап. Рус. Археолог. о-ва. Новая сер. 1896. Т. 9, вып. 1. Тр. отд. славян, и рус. археологии. Кн. 2. С. 371, 711.

указывают, что без спроса у государя бояре едва ли могли жениться, женить своих сыновей и выдавать замуж дочерей. По крайней мере, они также строго соблюдали обычай являться к государю на другой день свадьбы со всем свадебным поездом. Узрев государя, сидевшего в шапке, все кланялись в землю. Государь спрашивал про женихово и про невестино здоровье, причем жених опять кланялся в землю. Царь благословлял молодых иконами, наделял их дарами и угощал весь поезд романеей и медом.

В свои именины каждый боярин ехал к государю челом ударить и подносил ему именной свой калач. С такими же калачами он обходил все царское семейство, подносил царице, царевичам и царевнам. То же самое делали жены и дочери бояр на царицыной половине. Бояре и все сановники вменяли себе в особую честь и почесть получать каждый день с царского стола, от обеда и от ужина, *поденную подачу* и ставили себе в большое бесчестье, когда эта подача, по ошибке или по другой какой причине, до них не доходила, размышляя, что ни царского гнева над собой, ни вины за собою не ведают, а в подаче перед своею братьею обесчещены. Строгость наказаний (батоги, тюрьма) за подобные неисправности в рассылке подач указывает, как важно было значение их для боярской чести и спеси. Все это черты

обыкновенного повседневного вотчинного быта, которые, по глухим местам, сохраняются даже и теперь и которые идут из глубокой древности, из первобытных патриархальных отношений господаря-домовладыки к своим домочадцам.

Вотчиннический, господарский тип московских князей обозначился даже в самом устройстве их стольного города Москвы. В сущности это была помещичья усадьба, обширный вотчинников двор, стоявший среди деревень и слобод, которые почти все имели какое-либо служебное назначение в вотчинниковом хозяйстве, в потребностях его дома и домашнего обихода. Некоторые иностранцы, бывавшие с Москве в XVI и XVII ст., вовсе не ошибались, когда весь Кремль принимали за царский дворец, говоря, что он обнесен каменной стеною. Действительно, первую основу Кремля, а стало быть всей Москвы, был *княжский двор* или, в самое древнее время, *княжский стан* с необходимыми хорами, или клетями, на случай приезда. Когда князья переехали в эту усадьбу совсем на житье, она стала мало-помалу обстроиваться и распространяться. Подле двора построена была церковь (Благовещения на Сенях), как было в Древней Руси у всякого княжего двора и как впоследствии было почти у всякого вотчинникова двора, сколько-нибудь достаточного. Вблизи двора, в разных местах, находились службы

и дома дворовых людей также с службами. Вот первоначальная Москва, основной камень ее распространения и устройства. Условия древней нашей общественности, особенно при владычестве татар, были таковы, что без стены или какого-либо тына — острога — вокруг подобной усадьбы покойно и безопасно жить было нельзя. Страшны были не только иноплеменные, но еще больше свои одноплеменные враги. Известно, что в Древней Руси даже каждый монастырь обнесен был стеною, хотя деревянною. Сначала, без сомнения, и Москва была обнесена тыном. Но уже в 1156 г. вел. кн. Юрий Долгорукий закладывает Москву — *град* на устье Неглинны, выше реки Яузы. Град, *город* в древнем смысле означает стены, след., первые московские городские стены были построены в 1156 г. Первый, значительно разбогатевший, московский вотчинник Иван Данилович Калита рубит на месте погоревшей новую дубовую стену города (1339 г.), которой остатки, толстые дубовые бревна, найдены были в земле еще недавно, при последних перестройках кремлевских зданий, со стороны Неглинной. Внук Калиты, еще более разбогатевший и усилившийся, закладывает стену из белого камня (1367 г.). Но богатство, сила и хозяйство растет, ширится, привлекает население. У стены возникают торговые и ремесленные слободы, возникает целый посад на берегу реки,

пониже княжего двора, ибо снизу идет и торговая дорога судоходством по реке. Между тем через сто лет каменные стены уже обветшали, и самая черта города для раздобрившей жизни стала тесноватою. Великий князь Иван Васильевич строит новый город, т. е. собственно стены, и строит не по прежней основе, а с прибавкою, т. е. распространяет место и сверх того укрепляет город бойницами, стрельницами, тайниками, башнями. Такие постройки очень ясно выразили, что сила московского вотчинника стала не только крепкою, но и *грозною*. Он и сам прозывается уже *грозным*.

Вообще история Москвы, как города, в том отношении особенно и любопытна, что она, так сказать, по пятам идет за развитием московского господарства, с его зарождения, как частного, особногo, *собинного* княжего хозяйства и до его окончательного распространения на всю землю, когда это хозяйство — государство приобретает уже общее земское, политическое значение, становится формою политического быта земли.

По мере распространения земского значения Москвы, само собою разумеется, она все более и более тянет к себе и земские общие элементы жизни: торговлю, промышленность, всякого рода службу. Посады и слободы растут; слободы образуют в разных местах новые особые малые посады, так что старый посад, в отличие от новых,

именуется уже *Великим посадом* и в 1535–1538 гг. обносится также каменными стенами с названием *Китай-город*, который назывался также *Красною стеною* ². Приобретаемая крепость и стойкость самодержавных идей постоянно влечет за собою и материальную крепость города, гнезда этих идей. В XVI веке Москва делается в действительности сердцем почти всего северо-востока Европы, все к ней тянет, как к жизненному центру. Население возрастает, можно сказать, не по дням, а по часам, чему в значительной степени способствует и ненавистная всей земле *московская волокита* и *проеть*, приказное, подклетное ³, т. е. чисто вотчинное управление землею, которое немилосердно волочит людей к этому центру, заставляя их ходить — волочиться за своими делами — целые месяцы и годы. Около стен Кремля и Китая скоро образуется новый большой

² Объяснение слова Китай см. в наших «Опытах изучения русских древностей и истории». М., 1873. Ч. 2. С.155.

³ Известно, что московское управление сначала сосредоточивалось в избах и подклетах государева дворца. Эти избы и подклеты получали наименование от тех областей, которыми управляли. В начале XVII ст. упоминаются: Московская изба, Казанская изба, Володимерский подклет, Дмитровский подклет, Рязанский подклет. См. Разряды 1601 г.

посад с сплошным населением. Сначала он укрепляется земляным валом и называется *Земляным городом*, а в 1586–1593 гг. обносится также белокаменными стенами и называется *Белым Царевым городом*, царевым, может быть, потому, что в этих стенах население состояло по преимуществу из служилого и дворового сословий; или же потому, что здесь жило население свободное, собственно государево, в отличие от загородного, среди которого были целые деревни и слободы крепостные, принадлежавшие боярам и духовенству. В то же время и вокруг Царева города устраиваются сплошные посады из упомянутых деревень и новых слобод. Для защиты и безопасности этих посадов и особенно в страхе от нового нашествия крымского хана срублены в 1591–1592 гг. стены деревянные с башнями и воротами весьма красивыми, стоившие, по словам Маскевича, многих трудов и времени. Все пространство, которое было обнесено такими стенами, называлось *Скородомом*, может быть, по мелкости здешних домов, собственно изб, и скорости, с какою они ставились после пожаров и других опустошений, ибо такие избы продавались всегда готовые, срубками, в лесных рядах. Вероятно также, что настоящее прозвание Скородома могло быть *Скородум*, в значении стен, скоро выстроенных (вокруг всего города в один год) или

скоро задуманных к постройке, как это и случилось по поводу нашествия в 1591 г. крымского хана. На некоторых иностранных планах Москвы XVII ст. он прямо и обозначается: Scorodum. В Московскую *Разруху*, во время междуцарствия, стены Скородома сгорели. Вместо них царь Михаил, в 1637-1640-х гг., насыпал высокий земляной вал, отчего Скородом стал называться уже *Земляным городом* и даже *Земляным валом* и сохранил это название до сих пор.

Несмотря, однако ж, на такое быстрое распространение города, особенно в течение XVI ст., он нисколько не изменял своему первоначальному, чисто вотчинному типу. Он все-таки оставался большою усадьбою великого господаря-вотчинника, так что и самое его распространение условливалось распространением потребностей и нужд этой усадьбы. Целые слободы и улицы существовали, как домовные дворовые службы, удовлетворявшие только этим потребностям. Из таких слобод и улиц состояла почти вся западная часть города, именно та часть, которую отделял для своей *опричины* царь Иван Васильевич, — все улицы от Москвы-реки до Никитской. Здесь подле реки находилось *Остожье* с обширными лугами под Новодевичьим монастырем, где паслись табуны государевых лошадей и на Остоженном дворе (улица

Остоженка) заготовлялось в стогах сено на зиму. Здесь же в Земляном городе были *запасные конюшни* и слобода Конюшенная с населением конюшенных *служителей* (улица Староконюшенная), а в Белом городе *аргамачьи конюшни* и Колымажный двор (подле Каменного моста). У Дорогомилова перевоза, впоследствии моста, на берегу реки находился государев *дровяной двор*, готовивший запасы дров (ц. Николы на Щепях). Под Новинским стояла слобода *кречетников, сокольников* и других государевых охотников (ц. Иоанна Предтечи в Кречетниках). Пресненские пруды издавна служили садками для царской рыбы. За ними, на Новом Ваганькове, стоял потешный *царенный двор*, перенесенный сюда с Старого Ваганькова, находившегося подле Кремля, недалеко от Боровицких ворот. Улица Поварская с переулками — Столовым, Хлебным, Скатертным и т. п. — населена была приспешниками и служителями царского стола. Улица Никитская, или Царицына, с Кисловскими переулками (прежде слобода Кисловка) была населена *чином*, или штатом служителей и служительниц *царицы*: постельницами, мастерицами (швеями), детьми боярскими и т. д. Огромная и самая богатая из старинных московских слобод Кадашево (ц. Воскресенья в Кадашах, против Кремля, за рекою) потому и богатела, что

занималась только, с большими льготами, *хамовным делом*, изготовлением про царский обиход так называемой *белой казны*, т. е. полотен, скатертей и т. п. Тем же занималась и слобода *хамовников* (ц. Николы в Хамовниках). Против Кремля и Китая, на той стороне реки, поселены были *садовники*, готовившие про царский обиход всякий овощ; а на этой стороне, где теперь Воспитательный Дом, находился Васильевский дворцовый сад. Воронцово (ц. Ильи Пророка на Воронцовом поле) издревле было загородною государевою дачею. Но мы утомим читателя, если станем подробно перечислять все бывшие слободы Москвы и особые дворы, которые тянули только к государеву дворцу и в точном смысле составляли его *службы*. Повторим снова, что жизненным центром Москвы был государев вотчинников двор, обстроенный деревнями, слободами и посадами, столько же на удовлетворение его собственных нужд и потребностей, сколько вследствие сосредоточения подле этого двора всякой власти и, стало быть, сосредоточения потребностей и нужд народа. Самый план Москвы (похожий, вообще, на паутину), расположение ее улиц и переулков, из которых первые, как радиусы, бегут к центру — Кремлю, а другие постоянно огибают этот центр, может наглядно свидетельствовать, куда тянула жизнь и что управляло даже общим расположением

городских построек.

Двор московского князя-вотчинника первоначально был построен на высокой крутой горе, при впадении в Москву-реку речки Неглинны. Крутой угол этой горы, опускавшейся к Неглинной, теперь не существует: его несколько раз сравнивали и срывали и в последнее время привели в теперешний довольно отлогий вид; в первые годы нынешнего столетия еще трудно было и въезжать и всходить на эту гору, а в прежнее время, без сомнения, она была с этой стороны еще круче. С горы открывался обширный и живописный вид на Заречье, один из тех, которыми так богаты вообще берега рек Московской области, и в особенности берега Москвы-реки.

В то время, как князья стали здесь строиться, гора была покрыта боровым лесом, чему свидетелями служат остающиеся до сих пор названия *Боровицких* ворот и дворцовой церкви Спаса *на Бору*. Здесь же против ворот стояла другая церковь, сломанная при постройке нового дворца, Рождества Ионна Предтечи *на Бору*, о которой летописец рассказывает, что она в том бору была и срублена и была первою древнейшею церковью Москвы и первым ее соборным храмом при Петре митрополите, который в начале и жил возле нее. Есть также свидетельство, что это место было заселено еще в глубокой древности. При постройке

здания теперешней Оружейной палаты, примыкающего к Боровицким воротам, были найдены на материке два серебряных витых обруча (гривны) и две серьги, принадлежащие еще языческой эпохе и весьма сходные с подобными же вещами, находимыми в курганах Московской области. Нельзя забыть также и мнения Ходаковского о древнеславянских городищах и городках, которые он считает богослужебными языческими капищами и которые устраивались именно на таких горах, при слиянии двух рек, с отлогим восходом с восточной стороны, как все и существует на этой Кремлевской горе. Во всяком случае, место было очень удобно, если не для языческого капища, то для обыкновенного поселения.

Если церковь Иоанна Предтечи была первою в древнем *городке* Москвы, то и первый княжий дворец мы должны отыскивать возле этой же церкви, и притом с западной ее стороны, так что его местоположение придется еще ближе к Боровицким воротам или же вообще ближе к острому углу бывшего здесь некогда берегового *острога*, или косогора, теперь, как мы упомянули, значительно скрытого. После, быть может уже в XIII в., когда население распространилось и княжеский двор по тесноте места должен был отодвинуться дальше к востоку, где и устроился на месте нынешнего

Большого дворца пред новою церковью Благовещения на княжих Сениях. По легендам, постройка этой церкви относится к 1291 г.

Как бы ни было, но первое, древнейшее заселение Кремля сосредоточивалось у Боровицких ворот, на бору, или в бору, на высоком *остроге* речки Неглинны и Москвы-реки.

Русские князья, делая свои *пути* в эту лесную землю, без сомнения, *становились* там, где уже было жилье. Москва лежала на одном из таких путей, и по-видимому самом главном, так что при проезде с юга в Суздальскую землю ее миновать было нельзя. По всему вероятно, с первых же княжеских походов в эту землю Москва сделалась их становищем, может быть, очень любимым за красоту места, а также по тем выгодам, какие доставляла в здешних местах охота. По крайней мере, первое летописное известие о ней есть в то же время известие о пире, об *обеде сильном*, которым в 1147 г. угощал князь Суздальский Юрий Владимирович Долгорукий князя Северского Святослава, ходившего тогда воевать Смоленскую область по реке Протве. Выбор места для *сильного обеда* указывает, что Москва и в то уже время представляла необходимые усадебные удобства для княжеского пиროвания. При этом должно заметить, что дело было раннею весною, 5 апреля, в Похвальную субботу, след., пир не мог

происходить в шатрах, как часто случалось у князей в летнюю пору, и, без сомнения, происходил в избах и клетях на князем становом дворе. Таким образом, заселение князьями Москвы мы можем отнести ко времени их первых походов и *путей* в Суздальскую землю.

К сожалению, о древнейшем московском князем дворе почти нет никаких известий ни в летописях, ни в современных им актах. В первое время своей жизни, до половины XIV века, Москва не имела собственных летописцев: все ее события этого времени записаны летописцами других городов, напр. новгородскими, суздальскими и др., которые, внося в свои сборники известия о Москве, большею частью случайно, мимоходом, нисколько не касались частных, домашних дел этой небольшой великокняжеской вотчины, еще мало обращавшей на себя внимание. Притом и все более или менее значительные события того времени сосредоточивались преимущественно около Владимира. Новгорода. Рязани и других сильнейших городов: Москва же оставалась в глуши своих лесов малозаметною деревенькою; поэтому не только о князем московском дворе, но даже и о самом городе мы не встречаем в летописях XIII и XIV ст. никаких особенных подробностей. Впрочем, это обстоятельство едва ли может затруднять нас в настоящем случае: общее понятие

о древнейшем дворе московских великих князей мы можем составить себе из летописных известий X, XI и XII столетий, где *княжий двор*, нося общие черты на севере и на юге, изображается с достаточными подробностями, по крайней мере, в отношении своих частей. Мы знаем, напр., что еще при Ольге в Киеве, кроме княжего двора в городе, был еще загородный *теремный двор*, над горою, называвшийся так от каменного терема: «бе бо ту терем камен»⁴. На этом-то дворе, по свидетельству Нестора, совершилось мщение Ольги над древлянами за смерть Игоря; здесь погибли лучшие мужи древлян «в яме великой и глубокой», нарочно для этого ископанной. Может быть, здесь же была и та *истопка*, мовница, баня, в которой другие мужи древлянские, по замыслу Ольги, «творили мовь», т. е. парились, по древнему русскому обычаю, и потом были сожжены. На этом же теремном дворе при Владимире погиб и брат его Ярополк⁵. В 980 г. Владимир, еще язычник, поставил на том же холму, вне этого *отняго* теремного двора, кумиры своих богов: Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога и пр. После крещения, при княжих дворах ставились уже

⁴ Полное собрание русских летописей. Спб., 1846. Т. 1. С. 23 (далее ПСРЛ).

⁵ Там же. С. 33.

божницы, православные храмы.

Впрочем, этот каменный терем, упоминаемый почти на первых страницах нашей древнейшей летописи, был, конечно, большою редкостью в то время, потому что все тогдашние постройки были по преимуществу деревянные; но, как имя, этот *терем* дает понятие, что и в то время, в первой половине десятого века, состав княжеского двора был такой же, какой существовал и в позднейшее время. Терем составлял только увенчание здания, верхний ярус *хором*, как общим именем прозывались остальные ярусы и вся совокупность строений.

Нет сомнения, что основою и первообразом древнейшего русского жилища была *клеть* — связь бревен на четыре угла, строение, уцелевшее в своей первобытной простоте и до наших дней. В таких клетях летом жил и св. Владимир в своем любимом селе Берестове, где в тех клетях и скончался.

Клеть зимняя, приспособленная для тепла, отапливаемая посредством печи, в отличие от холодной клетки именовалась *истьбою*, также *истопкою*, что и заставляет предполагать, что из этой истопки образовалось и самое слово изба, от глагола топить, истопить; по крайней мере, такой смысл этого слова держится в показаниях наших летописей, и южных, и северных, в которых, при описании событий XI и XII ст., находим: *истопку*, *истопьку*, *истобьку*, *истбу*, *истьбу*, *истебу*, *избу*

теплу^б.

Удаляясь к первобытным временам, когда люди еще не умели строить клетей и жили в кущах, в шалашах и лачугах, конечно, только в южных теплых странах можно находить для слова *изба* корень в общем индоевропейском: *стоба*, *стаба*, *стуба*, по-русски *стопа*, в значении той *стонки*, какую устраивал себе первобытный человек для сохранения от непогоды и для тепла в виде конусообразного, округленного шалаша, обмазанного глиной. *Stabulum* (лат.) и *Stafmos* (греч.), обозначающие жилища первобытного устройства, указывают также на этот корень.

Как бы ни было, но в историческое уже время в русских понятиях *изба*, *истопка* разумелась вообще клеть, отапливаемая печью, как она и теперь этим именем отличается от простой, холодной клетки. Это была постройка, повсеместно распространенная в нашей более или менее лесной равнине, от Новгорода до Киева, составлявшая коренную типическую форму русского жилища как в простонародном крестьянском быту, так точно и в княжеском, а потом до конца XVII ст. и в царском. *Истопка*, *истьба*, *изба* постоянно упоминается в

^б Там же. Годы: 945, 1074, 1093, 1095, 1097, 1102, 1116, 1216. В 1095 г. «Пристрои Ратибор отрокы в оружьи истобку (истьбу, избу) пристави истопити им...»

летописях: как скоро речь идет о жилищах княжего двора. В составе княжего двора упоминается также *горенка* (1152 г.), обозначающая *горний*, то есть верхний ярус постройки, и вновь свидетельствующая, что древний состав двора неизменно сохранялся и в позднем его устройстве. Но от других, боярских и вообще богатых дворов, княжий двор отличался тем, что в его составе всегда находилась обширная клеть, носившая в то время именование *гريدницы* (в песнях *гريدня*) от имени *гريدь*, *гريدьба*, как прозывался особый отряд княжеской дружины, главным образом в Новгороде. В областном языке *гريدнею* называется и простая изба.

В гريدнице Владимир давал по воскресеньям пиры боярам, *гридем*, сотским, десятским и «нарочитым мужам», следовательно, она служила приемною и была самым обширным покоем княжеского дворца. В «Слове о полку Игореве» упоминается о *Святославли гريدнице* в Киеве; в древних песнях гريدница носит эпитет *светлой*, и в ней обыкновенно стоят столы дубовые. В позднейшее время ей соответствовала, по своему значению, *повалуша*. *Столовая изба*, также *горница*, а по способу постройки, — *светлица*. Другие клетки получали свои имена соответственно их назначению в княжеском обиходе, каковы были *ложница* или *одрина* — спальня, от слова *одр* —

постеля. *Божницею* назывался домовый храм князей, в котором они слушали церковные службы, почти всегда на *полатях*, то есть на хорах, соединявшихся с княжеским дворцом *переходами*. «Володимир (Галицкий в 1152 г.) поиде к *божници* к святому Спасу на вечернюю и якоже бы на *переходех* до божници, и ту виде Петра (посла Изяславова) едуща, и поругая ему: поеха мужь Рускый, обьимав вся волости, — и то рек иде на полати (на хоры)»⁷. Впоследствии местоположение княжеских домовых церквей обозначается большею частью выражением: *что на сенях*.

Общая характерная черта в устройстве древнего княжего двора, как я всех других богатых и достаточных дворов того времени, заключалась в том, что хоромины, избы, клетки ставились, хотя и по две, по три в одной связи, но всегда в отдельности, отдельными группами, отчего и вся совокупность разных построек во дворе именовалась собирательно *хоромами*. Княжеский дворец не составлял одного большого целого здания, собственно дома, как теперь, но дробился на несколько отдельных особняков. Почти каждый член княжеской семьи имел особое помещение, отдельное от других строений. Для необходимого соединения таких отдельных помещений служили

⁷ Там же. Т. 1. С. 73, 97; Т. 2. С. 21, 56, 72.

сени и переходы. Сени составляли вообще крытое, более или менее обширное пространство между отдельными клетями, избами, горницами, как в верхнем, так и в нижнем ярусах всех построек.

Из всех мест летописи, где упоминается о сенях, видно, что они были в верхнем ярусе, где, следовательно, находились и все покои, в которых жили князья. Так как сени представляли важное и притом неизбежное условие в расположении хором, то и самый дворец княжеский в древнейшее время именовался вообще *сенями, сенницею*. «Си же (людье в 1067 г.) придоша на княждвор. Изяславу же *седяшу на сенех* с дружиною своею... князю же из *оконця* зрящю и дружине стоящи у князя... (в 1095 г.) Итлареви в ту ночь лежащю у Ратибора на дворе с дружиною своею — на *сенници*... — И седшим всей братьи у Всеволода *на сенех*, и рече им Всеволод... — В то же время Борис пьшет в Беле-городе, *на сеньници*, с дружиною своею и с попы с Белогородьскими... — Петр же поеха в град и приеха на княжь двор, и ту снидоша противу ему с сеней слугы княжи вси в черних мятлих... и яже *взиде на сени*, и вида Ярослава, *седяща на отни месте* в черни мятли и в клобуце, такоже и вси мужи его, и поставища Петрови *столец*, и сяде...»

В этом же значении должно принимать и выражение: *у государя на сенях*, весьма употребительное в XVI и XVII столетиях.

Мы упоминали уже, что князья, как потомки цари, занимали всегда верхние ярусы дворца, который от этого в XVI и XVII ст. назывался вообще *верхом*: выражение: *у государя вверху* — значило то же, что во дворце. В нижних этажах древних княжеских хором, под клетями, находились *порубы*. В позднейших редакциях летописей поруб заменяется словом *подклет* ⁸. В этих-то подклетах и вообще в нижних этажах жили княжи слуги, отроки, детские и все лица, составлявшие княжий *деор* и называвшиеся поэтому *дворянами*. К хозяйственным постройкам княжеского двора принадлежали *погреб*, *медуша* — погреб с вареными медами; *бретьяница* — погреб с бортевым медом; *скотница* — кладовая со всякою казною.

Некоторые из древнейших княжеских дворов, по красоте своей, а может быть, и по красивому местоположению, назывались *красными* ⁹, а двор великого князя Юрья Долгорукого в Киеве, за Днепром, именовался даже *раем*. В отношении наружного вида дворцов мы имеем свидетельство «Слова о полку Игореве», где упоминается о

⁸ Там же. Т. 1. С. 73; Т. 2. С. 24, 28; Т. 3. С. 2. Царственный летописец... Спб., 1772. С. 57.

⁹ ПСРЛ. Т. 1. С. 99; Т. 2. С. 81.

златоверхом тереме великого князя киевского Святослава.

Вот те краткие известия о древнейшем князем дворе, которые находим в летописных свидетельствах X, XI и XII столетий. Несмотря, однако ж, на эту краткость и отрывочность первоначальных указаний о князем доможительстве, мы видим, что древнейший княжеский быт в этом отношении очень мало изменился и в последующих веках, а что еще важнее, он был таким же и на севере, как на юге, ибо на севере жило то же княжеское племя, которое в те времена переходило туда с юга, перенося с собою все условия, потребности и порядки своей жизни. Без всякого сомнения, дворец первых московских князей заключал в себе много сходного со всеми другими княжескими дворцами того времени: по крайней мере, в состав его входили те же самые части, какие указаны нами выше. Это вполне подтверждают известия последующих столетий. *Златоверхий Набережный терем* и *Набережные сени* (в смысле целого дворца) Димитрия Донского, указывая на местоположение великокняжеских хором в Москве, объясняют вместе с тем и их сходство с древнейшими постройками того же рода. «Повесть о Мамаевом побоище» рассказывает, между прочим, что весть о приближении Мамаевых сил застала великого князя

за пиром в *набережных теремах*: пил он чашу за брата своего Владимира Андреевича. Далее, когда московская рать двинулась с князем в поход, повесть описывает плач его супруги: «Княгиня ж великая Евдокия вниде в *златоверхий терем в набережный, в свои сени* и сяде под стекольчатым окном на одре... слезы проливающе...» По другим спискам: «...сяде под южными окны... вниде в набережные сени и седоша о рундуце (стул) под стеклянным оконцем...»¹⁰

Несмотря на то, что сказание о побоище и, след., эти известия о княжеском дворце относятся к более позднему времени, все-таки они дороги для нас как свидетельства, обозначающие хотя одною общею чертою сходство московского княжего двора с древними. Этот Набережный терем находился подле самой церкви Благовещения, которая была первым домовым храмом московских князей. По красоте местоположения и московский княжий двор мог также называться *раем*. А что действительно он был построен обширно и с великолепием, какое соответствовало вкусам времени и богатству сильнейшего русского князя, так об этом могут свидетельствовать чудные *часы*,

¹⁰ Русский ист. сб. 1838. Т. 3, кн. 1. С. 24; см. также: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5, Стб. 70, 85.

может быть, единственные в то время во всей Русской земле, которые поставлены были в этом дворце в 1404 г. Летописец потому только и сохранил об них известие, что они, выходя из ряда обыкновенных предметов, очень удивляли современников. Он описывает их следующим образом: «Князь великий (Василий Дмитриевич) замысли *часник* и постави (его) на своем дворе за церковью, за св. Благовещеньем. Сии же часник наречется *часомерье*; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и разсчитая часы *нощные* и *дневные*; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако; створено есть человеческою хитростию, преизмечтано и преухищрено»¹¹. Другой летописец присовокупляет, что часы были «*чудны велми и с луною...*»¹², или с *лунным течением*, как выражались о подобных часах позднее. Мастером и художником этих знаменитых часов был чернец Лазарь, родом серб, пришедший в Москву с Афонской горы. Часы стали более полутора ста рублей на тогдашние деньги: сумма по тому времени весьма значительная. Необходимо

¹¹ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 5. Стб. 249.

¹² ПСРЛ. Спб., 1859. Т. 8. С. 77.

упомянуть, что Василий Дмитриевич около того же времени выстроил и самую церковь Благовещения, каменную, вероятно, на месте прежней деревянной, которой постройка приписывается великому князю Андрею Александровичу в 1291 г. Очень немудрено, что вместе с этими сооружениями церкви и часов великий князь вообще обновил свой дворец, украсив его, может быть, новыми зданиями, по обычаю, деревянными, о чем летописец не сказывает ни слова по той причине, что подобные перестройки, как дело весьма обыкновенное в княжеском быту, не заслуживали упоминания. Летописи конца XV века и современные им записки упоминают, к случаю, *среднюю горницу*, в которой великий князь Иван Васильевич, в 1479 г., по случаю торжественного освящения нового Успенского собора и перенесения в этот собор мощей московских чудотворцев, давал стол митрополиту и духовным властям. Упоминают еще *набережную горницу* великого князя (1488 г.), *набережный сенник*, также *середнюю повалушу* великой княгини Софьи Фоминичны, где представлялся ей посол цесарский Юрий Делатор, в 1490 г., и *столовую грядню* и *повалушу* великого князя, записанные летописцем по случаю заключения в 1492 г. несчастного угличского князя

Андрея Васильевича¹³. Здесь одна только *повалуша* не упоминается первоначальными летописцами, что, однако ж, не дает основания заключать, что повалуши не было в древнейших наших постройках, что ее не было и на княжих дворах. В других памятниках старинной письменности, относящихся даже к XII в., упоминается и *повалуша* и вдобавок с обозначением, что она бывала расписываема, т. е. украшаема живописью. «Ты, — обращается одно учительное слово к богатому, — живя в дому, *повалуши истисав*, а убогий не знает, где главы подклонити!»¹⁴

Ни один летописец не оставил нам подробного описания древнего русского жилища, такого описания, которое по типичности своей могло бы заменить нам полнейший свод всех известий по этому предмету; летописцы не имели в виду нашего любопытства и нисколько не занимались современным им домашним бытом по той, единственно, причине, что этот быт был так

¹³ Памятники дипломатических сношений... I, 10, 30, 34; Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 48, 103 и 347; Летописец (Устюжский). М., 1781. С. 170.

¹⁴ Памятники дипломатических сношений... I, 10, 30, 34; Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 48, 103 и 347; Летописец (Устюжский). М., 1781. С. 170.

близок к ним, так известен всем, что его не стоило и описывать. Но насколько это может затруднять наши разыскания? Неужели во всех случаях мы должны раболепствовать пред данным фактом, не стараясь другими путями достигнуть истины? Археология, в некотором отношении, заключает в себе много сходного с палеонтологией, которая по одной части заключает о целом, по одному позвонку какого-либо животного воссоздает целый его организм. То же самое можно сказать и об археологических изысканиях, хотя здесь достижение истины несравненно труднее, и заключения и выводы должны предлагаться с большею осторожностью. Впрочем, и здесь есть такие предметы, о которых разыскания решаются без всякого затруднения. Напр., в настоящем случае, мы знаем, что в древнейшем периоде нашей истории летописцы, упоминая о дворе, о тереме, о клетях, дверях и пр., ни слова не говорили о воротах, о заборе, о крышах, крыльцах, окнах, лавках и т. д.; следует ли заключать из этого, что в древнейших русских жилищах не было окон, лавок и т. п., а при дворах — ворота заборов? И нужно ли говорить исследователю, по поводу первого летописного упоминания о дверях, что-де у древнейших наших жилищ были и *двери*, — и говорить об этом в то время, когда о других, неизбежно подразумеваемых частях жилища, не

сказано ни слова?.. Таким образом, несмотря на то, что летописцы оставили нам весьма мало подробностей о старинном нашем домостроительстве, мы можем безошибочно пополнить краткие их указания известиями позднейшего времени. Это тем более возможно, что народный быт Древней Руси, особенно в отношении образа жизни, нелегко поддавался посторонним влияниям, нелегко изменялся и даже до настоящего времени сохранил основные черты своего характера. Все согласятся, мы думаем, что теперешний крестьянский двор Великой Руси точно так же ставится, как ставился, может быть, за триста, четыреста и даже за тысячу лет. Притом до Петра Великого все население Московского государства не различалось так резко ни в образе жизни, ни в обычаях; следовательно, и домоустройство всех сословий отличалось повсеместным однообразием, сходством, которое сохраняется даже теперь по всем великорусским деревням.

Мы уже сказали, что первообразом древнего русского жилища была *клеть*, из которой потом образовалась *изба*, до сих пор почти единственное жилище нашего крестьянина. Изба и клеть составляли, так сказать, основу его двора. Обыкновенно изба была *поземная* и *черная*, то есть курная, срубленная прямо на *пошве* или на

подзавалье, с волоковыми окнами, от 6 до 8 вершков длины и 4 вершка ширины, которые располагались почти под потолком, для пропуска в них дыма, и походили более на щели, нежели на окна. Волоковыми они называются потому, что их не затворяли, а задвигали, или заволакивали, особою закрышкою или доскою. У некоторых изб были *дымницы* или *дымники* ¹⁵, вероятно, деревянные трубы, какие нередко встречаются и теперь; впрочем, эти дымницы составляли, кажется, принадлежность белых изб, о которых мы еще будем говорить. Против избы у семьянистых и зажиточных людей ставилась *клеть* — летний холодный покой, также с волоковыми окнами. Место под общемою кровлею, между клетью и избою, называлось *сеньми*. Под клетью, которая в иных местах называлась *повалушею* и даже горницею, почти всегда был *глухой подклет*, называвшийся нередко *мишаником*, в котором помещался домашний скот или кладовая. Поэтому клеть, в отношении к избе стояла всегда выше, отчего, вероятно, и носила название горницы. Вот жилище простолюдина. Мы берем только главные черты, не упоминая о разных подробностях крестьянской избы и клети, о принадлежностях крестьянского двора, собственно о *дворище*, как в древнее время

¹⁵ ПСРЛ. Спб., 1841. Т. 3. С. 160, 164.

называлась вся совокупность таких принадлежностей, вообще о *дворовом* и *огородном строении*, потому что все это с незапамятных времен и донныне существует почти без изменений.

У людей других сословий, у богатых гостей, дворян и, наконец, у бояр, постройка и расположение хором изменялись по мере потребностей, какие уставляла жизнь каждого лица, хотя в главных чертах они и сохраняли первобытный топ избы и клетки простолюдина. Вместо черной, поземной избы, здесь ставилась *изба белая*, также поземная, но с тою только разницею, что дым из нее проходил в трубу, *дымницу*, а не в дверь и не в волоковые дымовые окна, как бывает в избе курной. Впрочем, большею частью такая изба строилась на *подклете*, почему и называлась *горницею*, как верхний, *горний* покой в отношении к подклету; в этом случае она была всегда с *красными* ¹⁶, косящатыми окнами, при которых, однако ж, допускались и малые *волоковые*, располагаемые обыкновенно по сторонам красных, но чаще в боковых и задних стенах горницы. Сверх того, горница отличалась от

¹⁶ Значение прилагательного *красный* более или менее известно. *Красными*, в смысле «красивых», назывались большие окна с колодами и оконницами, или рамами, в отличие от малых, волоковых, не имевших оконниц и колод.

избы печью, которая здесь была изразцовая, муравленая, круглая или четырехугольная, вроде голландской, совершенно отличная от избной, так называемой русской печи. Горница и самая изба разделялась нередко перегородками на несколько комнат. Нередко две-три или четыре клетки, или горницы, ставились в одной связи и назывались собирательно *двойнями, тройнями, четвернями*, смотря по количеству связанных таким образом клеток, вообще *хоромами* в собственном смысле, а каждая такая клетка отдельно — *комнатой* и горницею.

Что же касается до подклетов, то это были нижние этажи древних хором; они носили разные наименования, смотря по своему назначению: в них помещались людские, кладовые или *казенки*, в которых хранилась казна, то есть имущество, и пр. В первом случае они были *жилые* с волоковыми окнами и с печами, во втором — *глухие*, то есть нежилые, иногда без окон и даже без дверей, потому что ход в них бывал только из верхнего этажа.

В больших хоромах обширные сени соединяли горницу или комнаты с *повалушею* или *повальшею*, которая всегда ставилась особняком от жилых хором, с передней их стороны, также на жилом или глухом подклете, в два или в три яруса. Это был обширный летний, т. е. холодный, покой,

соответствовавший клетки в крестьянском дворе и служивший большею частью в качестве столовой или вообще приемной комнаты. В иных случаях повалыша служила также для сохранения разной домашней рухляди. В богатых и особенно в государевых хоромх она соответствовала древней *грудне*, а впоследствии *столовой*, т. е. парадной комнате, в которой давались праздники и пиры, принимались гости. С этою, может быть, целью повалуша и ставилась подалее от жилого помещения и всегда против передней комнаты, так что не имела сообщения с задними клетями.

Кроме горницы и повалуши, в состав старинных хором входили еще *светлица* и *сенник*. Светлица — та же горница, с одними только красными косячатыми окнами, которых в ней было больше, нежели в горнице, и которые, разумеется, давали более свету, нежели окна горницы и всякого другого покоя. В светлице окна прорубались во всех четырех стенах или, по крайней мере, в трех, между тем как горница имела красные окна только с лица или с двух сторон, если была угловая. Светлицы ставились по большей части только на женской половине и всегда служили рабочими комнатами для женских рукоделий, особенно для вышивания шелками, золотом и для белого шитья. Вообще, светлица была комнатою, назначаемою для работ разного рода и для всяких занятий.

Сенник, от слова *сени*, — также холодный покой, без печи, с немногими волоковыми окнами, служивший летом спальнею; от теплых хором он отличался особенно тем, что на дощатом или бревенчатом его потолке, как и на потолке сеней, никогда не насыпалась земля, что необходимо было при устройстве теплого покоя. От этого сенник получал весьма важное значение во время свадьбы: в нем обыкновенно устраивалась брачная постель; а древние обычаи не допускали, чтоб у новобрачных над головами была земля, как такой предмет, который, среди радостей жизни, во время «веселия», как называли самую свадьбу, мог подать повод к размышлению о смерти; по крайней мере, так объясняет этот обычай англичанин Коллинс, посещавший Москву при царе Алексее Михайловиче. Сенником и сенницею назывался также и сарай для сена, сеновал. Мы упоминали уже о значении сеней в древних постройках; этим словом называли все части хором, расположенные пред входом в жилые и нежилые покои и соединявшие все отдельные *хоромины*, то есть горницы, повалуши, клетки, светлицы и т. д. В богатых и государевых постройках, на женской половине хором, *сени* приобретали значение теперешней залы и потому устраивались обширнее, чем в других частях хором. Здесь сени служили местом для девичьих веселостей и игр. Сени,

находившиеся вне общей кровли, непокрытые или покрытые одним навесом, назывались *переходами* и *крыльцом*, если при них была лестница со двора. В горницах и повалушах, преимущественно же в сенях, устраивались *чуланы* и *каморки*; в горницах они служили спальнями, а в сенях — кладовыми. Где-нибудь позади к сеням прирубались *задцы* или *придельцы* для необходимого назначения. Над сенями иногда делался *верх*, или *вышка*, светелка, а внизу *подсенье*. Верхний этаж древних хором составляли светлые чердаки, известные также под именем *теремов* и *вышек*. Они устраивались под самой кровлей здания, были со всех сторон открыты, почему и пользовались обширным видом; к ним пристраивались иногда *смотрильни* — небольшие башенки, с которых смотрели на окрестность. Отличительною чертою теремов, или чердаков, были красные, нередко двойные окна, прорубленные на все четыре стороны терема. В древних народных песнях терем носит эпитет *высокого*, каким он всегда и был. Около теремов, или чердаков, почти всегда устраивались *гульбища*, парапеты или балконы, огороженные перилами или решетками.

Таким образом, древние наши хоромы состояли преимущественно из трех этажей: внизу подклеты, в среднем *житье*, или ярусе, — горницы, повалуши, светлицы; сверху — чердаки,

терема, вышки.

В заключение этого обзора древних деревянных хором нужно упомянуть, что в больших хоромах расположение частей не было подчинено никакому особенному, общепринятому плану: они ставились совершенно произвольно, смотря по удобству и различным требованиям, которые условливались значением строившего лица, многочисленностью его семьи и т. д. Впрочем, как бы ни были обширны хоромы, они всегда сохраняли в своем составе общий тип клетки и избы с их подклетами¹⁷.

Способ постройки деревянных изб, клеток и всяких хоромин, вообще плотничное дело, с незапамятных времен и до настоящих дней, едва ли потерпело какие изменения. Конечно, в настоящее время при других потребностях общества, оно уже не пользуется тем значением, какое видела в нем старина, любившая жить исключительно только в хоромах деревянных. Может быть, по тем же причинам оно утратило некоторую долю искусства,

¹⁷ Считаю не лишним, в подтверждение наших слов, привести в Отделе Материалов (А) подлинные описания некоторых дворов XVI и XVII ст., которые любопытны и в том отношении, что знакомят нас с полным составом дворовых построек каждого отдельного домохозяйства, царского и боярского, зажиточного и бедного, городского, посадского, слободского и сельского.

каким славилось в те времена, выстраивая скоро и прочно огромные дворцы, высокие церкви, обширные городские стены с башнями, раскатами и т. п. Теперь всего этого стало не нужно, и каменные постройки все больше и больше вытесняют, по крайней мере, из городов, зодчество деревянное. Но в старину плотничное дело процветало в полной силе.

Припомним, что вся Великая Русь была по преимуществу *земля лесная*, как ее постоянно и называют южные князья, в которой, след., лесной материал был нипочем и по своей дешевизне оставался надолго почти единственным строительным материалом. Это самое служило немалым препятствием распространению и улучшению кирпичного производства, нужда в котором была очень незначительна. Деревянные постройки ставились так скоро, были так удобны, сообразны обычаям и потребностям времени, и так были дешевы, что, несмотря на беспрестанные пожары, опустошавшие в несколько часов целые посады и даже большие города, кирпичное производство не принималось до тех пор, пока не стал ощутительно дорожать лесной материал. В конце XV века итальянский архитектор Аристотель Фиораванти, призванный строить в Москве Успенский собор, именно по случаю окончательной несостоятельности в этом деле русского каменного

зодчества, нашел, что мы не совсем хорошо делали кирпич. С того времени, благодаря ему и другим итальянцам, научившим нас этому производству или, по крайней мере, указавшим лучшие его способы, можно было ожидать, что оно утвердится хотя в самой Москве, где требования на каменные здания стали с каждым годом увеличиваться. Однако в начале XVII ст. мы принуждены были опять вызвать кирпичного мастера из Голландии и снова учиться тому, чему были выучены почти за полтора столетия лет назад. Так могущественны были не одни только старые обычаи, а именно выгоды, доставляемые дешевизною обычного строительного материала, — дешевизною, невероятным удобством и скоростью, с которыми строились деревянные здания. Само собой разумеется, что в таких обстоятельствах процветание плотничного дела было вполне обеспечено. Из простого домашнего мастерства с первобытными приемами, которое так знакомо было почти каждому селянину, оно сделалось в некотором смысле художеством; созидало высокие и обширные церкви о *тринадцати* верхах, какова, напр., была София Новгородская еще в начале X века, о *двадцати стенах*, какова была Успенская церковь в Устюге (1492 г.), о *двадцати пяти углах*, какова была

церковь св. Николы, вельми преудивленная и чудная во всей Псковской волости¹⁸; строило еще более обширные городские стены с башнями и воротами, весьма красивыми, по отзыву Маскевича, о московских деревянных стенах, и с тем же искусством выстраивало огромные дворцы и хоромы государевы.

Подобные постройки, конечно, требовали немалой опытности и знания не одной только техники мастерства, но и искусства архитекторского, знания разных механических условий, без которых невозможно было возводить столь обширные постройки.

Доморощенные наши архитекторы того времени и вместе с тем начальники плотничных артелей назывались *плотничьими старостами*; плотники же назывались иногда и *рублениками*, от главного занятия в их мастерстве — *рубить*. Замечательным памятником их искусства, о котором мы можем иметь понятие, хотя по сохранившимся рисункам, служит деревянный Коломенский дворец XVII ст. Заброшенный и оставленный еще с первых лет XVIII ст., он стоял почти без всякой поддержки более 60 лет и был разобран только в 1768 г. Представим несколько

¹⁸ Летописец (Устюжский). С. 169, 171; ПСРЛ. Спб., 1848. Т. 4. С. 240.

подробностей, характеризующих старинное плотничное дело и вообще способы построек.

Клеть, как первообраз и основа всякой хоромины, какое бы название она ни носила и как бы обширна ни была, ставилась обыкновенно в четыре стены, из бревен или, при достаточном хозяйстве, из брусьев, т. е. бревен, тесанных со всех четырех сторон. Бревна на углах стен связывались или срубались *вобло* и *вприсек*, *в лапу* и *взамок*, как обыкновенно рубились избы в деревнях; *в ус*, как вообще рубились хоромы, особенно брусяные: *в ус*, *в брус*, также *в косяк*, *в угол*. Связанные таким образом по углам, четыре бревна или бруса составляли *венец*, *ряд*; количеством венцов, или рядов, друг на друга положенных, определялась часто, смотря по толщине бревен, и высота клетки или ее стен: говорили, напр., вышиною на пятом венце. *Складывались*, т. е. ставились, клетки или прямо на *пошве*, т. е. на земле, или же, как бывало, в хоромных постройках, на *столбах* и *роках* или *обрубках*, что называлось *подрубать режь*. Режи и обруббы составляли как бы фундамент и рубились клетками, или *избицами*, иногда, для большей крепости, в две стены. Избы и клетки иногда даже и в царских хоромах рубились *во мху*, т. е. перекладывались по каждому венцу мохом. Хоромы зажиточных людей и царские конопатились обыкновенно плохим льном, пенькою

или паклею; сверх того потолки и стены обивали иногда белыми полстями и войлоками.

Мост, или пол, мостили на *кладях*, или *лежнях*, половыми досками в *причерт с вытесом*, т. е. ровно и гладко, также в *закрой* и всегда выверстывали. В подклетах клали мост *пластинный* или *бревенчатый*. *Подволоку*, или потолок, утверждали на *матицах*, настилая брусьями или накатывая бревнами, которые также, снутри клетки, почти всегда вытесывались в *брус*, или клались в *подтес*, в *закрой*. Большие хоромы всегда укрепляли связным железом *скобами*, *наугольниками*, *подставами*, *веретенными гвоздями* и т. п.

Нарядить нутро — значило отделать клеть начисто внутри, т. е. вырубить и околотить окна красные и волоковые, сколько понадобится: покласть у стен *лавки с опушками*, на *стамиках*; устроить, где следовало, *коник*; навесить двери, сделать *опечек*, или место для печи, и т. д. К тому же наряду относилась и окончатальная уборка стен и потолка. Стены, особенно если они были бревенчатые, внутри и снаружи *обшивались* красным тесом в *закрой*; брусяные же отделявались *вскобель* или *выскабливались в лас*. Потолок точно так же *подшивался* тесом или липовыми досками в *закрой*. В жилых клетях потолок сверху вымазывали глиною и по просушке насыпали

просеянную землю — *черноземом*, *наволакивали* землю.

Связь обыкновенной двускатной кровли состояла из *князя*, иначе *князька*, также *коня* и *конька*, верхнего продольного бруса, от которого вниз с обеих сторон протягивались *курицы*, или деревья с закрючинами, на коих клались *застрехи*, нижние продольные брусья кровли, составлявшие ее свесь. С лица клетки эти деревья, или курицы, закрывались узорочно вырезанными *причелинами*, которые спускались по сторонам *очелья* (фронтон), закрывавшего чердак, или верхнюю подкровельную часть клетки. Затем кровля решетилась *потоками*, или продольными решетинами, и *подстрели* нами. Связь хоромных кровель, которые большею частью крылись *по-полатному*, т. е. со скатами на все четыре стороны, также состояла из *князя*, который опирался на подстрелины и *быки*, связанные решетинами.

На хоромах кровли крыли в *два теса со скалою*, т. е. с берестою, которою перекладывали тес, чтобы не проходила теча, что называлось *поскалить*; иногда крыли драницами со скалою же. Кроме того, тесовые кровли делались в нижней части почти всегда с *полицами*, т. е. небольшими переломами или отводами вроде полок, предупреждавшими сильный сток воды. Это было необходимо в том отношении, что кровли

устроивались очень круто. Под полицы клали желоба большие *охлупные* и малые; устраивали также *водяные скаты*. По полицам нередко ставили балясы, а самый свес украшали *подзоринами*. Наверху по князю ставили резной гребень, с маковицами по краям. В таких кровлях устраивали нередко *выпускные*, или *выводные*, окна, освещавшие чердак; а чаще *чердашные слухи*, окна слуховые.

Вообще, кровли в старину служили немалым украшением зданий, особенно в больших, обширных постройках. Они устраивались высокими шатрами в виде башен, сводились в виде *бочек*, в виде *кубов*, причем то и другое соединялось нередко вместе, т. е. *шатры* стояли на *бочках*. Шатры, кубы и бочки искусно *кожу шились* мелкими решетинами и покрывались большею частью гонтом (лемехом) в *чешую*. Кроме того, верхи хором украшались чердаками, или теремами, род бельведеров, с красными, иногда двойными, окнами на все стороны. Около таких чердаков устраивались *гульбища*, балконы, огороженные *балясами*, или *перилами*, *гудками* (род балясника). Самые верхние чердаки, или собственно бельведеры, строились или на четыре угла, или же в виде *шестерика* и *осмерика*. Верхи чердаков, шатров, бочек, кубов украшались *прапорцами*, флюгерами, а бочки, сверх того, резными гребнями.

Само собою разумеется, что верхние *жила*, т. е. чердаки и терема, строились легче нижних ярусов и обыкновенно ставились на стойках или столбах, забирались брусьями или нетолстыми бревнами и обшивались тесом в *закрой*, или в *косяк*.

Тем же почти способом устраивались и сени. Они ставились также на *стойках*, или *подставках*, и обвязывались тесом с брусьями. Двухъярусные сени ставились на *лежня* на *подборе* бревнами; *подбирать* — значило ставить бревна в стену стоймя, что также называлось *забирать в столбы*; так обыкновенно устраивались сени *исподние*, или *подсенье*; верхний ярус забирался досками в *косяк*. Чуланы в сенях забирались тесом в *закрой*. Крыльцо в малых клетях устраивалось на *выпускных* бревнах; в больших — на *подрубках*. Лестницы клали на *тетивах*, в которых вставлялись *ступени*, обшиваемые тесом. Смотря по высоте клетки лестницу всегда *переламывали*, т. е. делали с отдыхами и по сторонам почти всегда *опериливали*, т. е. делали *поручни*, или перила, с балясами, или решетками. В больших хоромах перед лестницею *взрубали рундук* на один, на два и на три *всхода*, о трех или более ступенях. Рундук почти всегда покрывался *шатриком* на точеных столбах, который подбирался тесом в *косяк*.

Около двора заметывали *замет* или *заплот*, т. е. забор. В достаточных дворах забор рубили из

бревен в лапу и в замок, скоблили на оба лица, приводили в *черту*, чтоб щелей и в углах дыр не было. Забор красился воротами, которые устраивались на столбах, или *столбцах*, и связывались в один *щит*, а в достаточном хозяйстве делались створчатые из двух щитов, с калиткою; а нередко и *тройные*, т. е. с двумя калитками, *обшивочные*, т. е. обшитые тесом. Почти всегда ворота покрывались тесовою кровлею с полицами, а на князьке украшались резным гребнем или же небольшими бочками и шатриками. По уборке и отделке ворот всегда можно было судить о достаточности хозяина, ибо двор красился воротами, изба — углами, т. е. внутренним нарядом, хоромы — теремом.

Этих подробностей, которые все, до слова, заимствованы нами из строильных записок XVII ст. (начиная с 1614 г.), весьма достаточно для того, чтоб дать понятие о старинном плотничном деле, а главное о том, что оно и до сих пор держится на тех же способах и приемах, какие, без сомнения, употреблялись еще в первые века нашей истории. Все плотничные термины сохраняются до сих пор; их почти вовсе не коснулась немецкая, вообще иноземная техника, и самое производство существует без всяких пособий со стороны ученых архитекторов, которые, в отношении языка техники, если б захотели, многое могли бы

заимствовать из этого родного и, след., наиболее для всех понятного источника родных же слов и названий.

Выше мы представили общие, типические черты старинных деревянных построек вообще в Древней Руси, и особенно в Московской стороне. Эти же самые черты, только в более широких размерах, повторяются и в хоромах Московского великого князя. Мы упоминали уже о набережном тереме, средней горнице, столовой гридне и повалушах. По этим названиям можно судить и о прочих частях великокняжеских хором: они были совершенно сходны с описанными выше. Уклонения от общего характера были весьма незначительны и обуславливались теми требованиями, которые вытекали собственно из жизни великого князя, как государя всея Руси. Вообще великокняжеские хоромы, как древнейшие, так и строенные во времена царей, сообразно назначению их в домашнем быту государя, можно рассматривать как три особые отделения. Во-первых, хоромы *постельные*, собственно жилые, или, как называли их в XVII веке, *поковые*. Они были не обширны: три, много — четыре комнаты, в одной связи, служили весьма достаточным помещением для государя; одна из этих комнат, обыкновенно самая дальняя, служила постельною, опочивальнею, ложницею; подле нее

устроивалась *крестовая*, или *моленная*; другая имела значение теперешнего кабинета и называлась собственно *комнатою*, и, наконец, первая по входе именовалась *переднею* : но не в таком смысле, в каком употребляется это слово теперь: эта передняя была собственно приемною; нынешней же передней в древности соответствовали *сени*, которые в государевых хоромы почти всегда были теплые. Эти сени перед переднею назывались обыкновенно *передними сеньми*. Точно такие постельные хоромы были, например, у царя Ивана Васильевича; они находились позади Средней Золотой палаты в связи с нею и заключали в себе *передние сени, переднюю и две комнаты* с прозванием: *что слыл чердак* (терем) *Государыни Царицы Настасьи Романовны*, потому что на верху их высился ее терем¹⁹. Порядок, в каком комнаты следовали одна за другою, бывал различен; но обыкновенно они располагались так: передние сени, передняя, крестовая, комната, четвертая (считая от передней), или задняя; наконец, сени задние. Иногда за переднею следовала комната, потом третья, четвертая, как было, напр., в каменном Кремлевском Терему. Когда хоромы были в две комнаты, то за переднею следовала комната и потом комнатные, или задние, сени. Если

¹⁹ Дворцовые разряды... Спб., 1850. Т. 1. С. 1152.

в хоромах было более комнат, нежели сколько мы здесь поименовали, что, впрочем, случалось редко, то все эти комнаты не носили никаких особенных названий; их просто называли: *третья, четвертая, пятая* и т. д., или, смотря по местоположению, *средняя, задняя, сторонняя* и т. п. Иногда в комнатах устраивались *чуланы*, собственно для спальни, имевшие поэтому значение алькова. Вообще же чуланы и каморки, устраиваемые в комнатах и особенно в сенях, составляли, вместе с подклетами, обыкновенные принадлежности постельных хором. *Сенник* и *мыльня*, принадлежавшие также к постельным хоромам, соединялись с ними сенями или переходами; мыльня же часто помещалась в подклете. Верхний этаж таких хором составляли светлые чердаки, или *терема*, с частыми окнами, с гульбищами кругом всего здания, украшенные башенками, прорезными гребнями и маковицами.

Княгинина половина, хоромы государевых детей и родственников ставились отдельно от жилых хором государя и, с небольшими изменениями, во всем походили на последние.

Ко второму отделению государева дворца мы относим хоромы *непокоевые*, назначенные собственно для торжественных собраний. В них государь, следуя тогдашним обычаям, являлся только в важных торжественных случаях среди

бояр и духовных властей. В них происходили духовные и земские соборы, приемы послов, давались праздничные и свадебные государевы столы — одним словом, это были в деревянных хоромах парадные залы, которым соответствовали разные палаты выстроенного впоследствии каменного дворца. Сообразно такому назначению, хоромы этого отделения были обширнее прочих и стояли впереди хором постельных, которые помещались обыкновенно в глубине двора. Что же касается до названий, то эти хоромы не носили особенных имен, за исключением разве *гридни*, а были известны под общими именами *Столовой избы*, *горницы* и *повалуши*.

К третьему отделению принадлежали все хозяйственные дворовые постройки, службы, располагаемые почти всегда особыми дворами, или дворцами, которым и давались названия, смотря по их значению в дворovém обиходе государя. Известны дворцы Конюшенный, Житный, Кормовой, или Поваренный, Хлебенный, Сытный и пр. Что же касается до великокняжеской казны, заключавшейся обыкновенно в серебряных и золотых сосудах, дорогих мехах, дорогих тканях и тому подобных предметах, то великий князь, следуя весьма древнему обычаю, сохранял эту казну большею частию в слоях и подвалах, или подклетах, каменных церквей. Так, из летописей

узнаем, что казна вел. кн. Ивана Васильевича хранилась прежде в церкви Рождества Богородицы и св. Лазаря, а казна его супруги, великой княгини Софьи Фоминичны, под церковью Иоанна Предтечи на Бору, у Боровицких ворот²⁰.

Мы уже сказали, что правильного, симметричного плана в древних больших постройках не было, почему и дворец великокняжеский, в своем расположении, представлял огромную массу зданий, раскиданных без всякого соответствия в частях. Довольно полное и наглядное понятие о характере древних великокняжеских и царских жилых построек, или хором, дают описания загородных дворцов XVII ст. Из них особенно любопытно описание Коломенского дворца, потому именно, что сохранились его фасады и план, которые во многом могут пояснить описание. В отделе *Материалов* мы помещаем историю постройки этого дворца и современное описание его хором, а здесь считаем не лишним упомянуть о нем как о типическом памятнике древних деревянных построек. План обнаруживает, что дворец заключал в себе несколько отделений, или особых хором,

²⁰ Летописец, содержащий российскую историю от 6714 (1206) лета до 7042 (1534) лета... М., 1784. С. 297; Русский временник. М., 1790. Ч. 2. С. 169.

соединенных между собою переходами и частью сенями; что постройка этих отделений происходила в разное время, смотря по надобности; что постепенно к старым пристраивались новые клетки, избы, избышки, сени, крыльца, переходы, так что целое лишено всякой симметрии и того порядка в соответствии частей, к которому приучены теперешние вкусы строителей. Хоромы, крыльца, переходы разбросаны с мыслию не о правильности плана или о его красоте, а об удобствах, какие представлялись местом постройки или отношением и зависимостью этой постройки от других отделений дворца.

В лице всех построек, с восточной их стороны, стояли *передние* хоромы государевы, заключающие пять комнат жилых, с отдельными сенями при каждом выходе: именно две впереди, в лице, *передняя* и *комната*, и три, составлявшие как бы особое отделение, назад, глубже во двор. Противоположно *передней*, дальше к северу, стояла обширная *столовая*. Она соединялась с комнатами посредством весьма обширных *столовых сеней*, над которыми в три яруса возвышались светлые *чердаки*, или *терема*, с открытыми галереями, или *гульбищами*, со всех четырех сторон. Кровля столовой была устроена *кубом* четвероугольным и на вершине украшена *глобусом* с изображением орла промежду льва и единорога, или *инрога*.

Кровля двух передних комнат крыта *бочкою* с резным *гребнем* наверху и *прапорцами*, или флюгерами. Задние комнаты с принадлежащими к ним сенями покрыты четырехскатною кровлею; над четвертою и пятою был светлый чердак — терем и шатровая кровля, дававшая строению вид башни, тем более, что вершина ее была украшена двуглавым орлом. Над рундуками, или отдыхами, площадками крыльца и над сенями возвышались также стройные *шатры*. Все кровли крыты гонтинами *в чешую*. Высота этих шатровых строений или башен простиралась от 7 до 15 сажен. Нижний этаж хором занимали подклеты, в которых помещались кладовые, жильё для дворовых людей и для стрелецких караулов, находившихся — один подле крыльца, под передними комнатами; другой подле ворот, под столовою.

Еще глубже во двор, за комнатами государя, стояли хоромы царевича с двумя комнатами и с теремами наверху, крытые двумя шатровыми кровлями в виде башен, соединенных в верхних чердаках *переходцами*. Далее, за хоромами царевича стояла государева *мыленка*, а за нею *Оружейная* и *Стряпущие избы*. Из мыленки шла лестница вверх на сени царицыных хором, которые стояли лицом к северу, позади хором государевых, и заключали в себе три комнаты с обширными теремами наверху, крытые *бочкою*; и одну комнату

также с теремами, крытую шатром в виде башни. Обширные передние сени этих хором были покрыты также шатром, а крыльцо — шатром с бочками.

Взади дворца, с западной стороны, размещены были четыре отделения хором *больших* и *меньших* царевен, каждое из трех комнат, с теремами наверху, с мыленками, стряпущими избушками и другими принадлежностями старого быта, — крытые также шатровыми кровлями наподобие башен. Нижний этаж всех хором точно так же состоял из подклетов, которые служили помещением для дворовых людей, для кладовых и для стрельецких караулов.

Хоромы царевен соединялись длинными крытыми переходами с хоромами царицы и с церковью. Точно так же переходами соединялись и другие отделения коломенских хором.

Несмотря на то, что Коломенский дворец построен в половине XVII ст., он сохранил неизменно, и в плане и в фасадах, все типические черты древнейших построек и потому, как мы упомянули, может служить характеристикой как древних, так и современных ему деревянных построек. В этом убеждают также планы и фасады и других царских и боярских хором, изданные в особом *Сборнике* при «*Записках* Археол. общества. Отд. русской и слав. археологии», т. 2. Нет

никакого сомнения, что таков, по крайней мере, в общих и главных чертах, был и первоначальный Кремлевский дворец. Да и самые подробности не могли слишком уклоняться от общего типа, а тем более резко изменяться. Вкусы и потребности жизни в допетровской Руси в течение целых столетий были одни. Основною мыслью было жить так, как жили отцы и деды, по старине и по *пошлине*, что пошло исстари, как было при отцах, при дедах и при прадедах. И если прапрадедовский кафтан, переходя к праправнуку, нисколько не изменял своего покроя, то в отношении жилищ, в их постройке и устройстве, еще неизменнее сохранились старые привычные порядки и предания, тем более, что неизменны были потребности и общий склад жизни и быта, от которых вполне зависели и все материальные их формы.

Мы увидим, что и каменный дворец, построенный на месте деревянного итальянскими архитекторами в конце XV века, нисколько не уклонился от заветного типа. Вместо деревянных, были построены те же, только более обширные, *клет*, *гридни*, *горницы*, названные *палатами*. Клеть, изба и здесь послужила неизменным типом, который не допустил связать в одно целое, в один общий цельный план особые комнаты нового дворца, каковы, напр., приемные парадные и жилые

покои. По-прежнему они были размещены, придерживаясь, без сомнения, старому основанию хором, отдельно, как размещались во дворах избы и клети, смотря по местному удобству и по неизменным требованиям и условиям тогдашнего быта, которые уже заранее указывали места для той или другой постройки. Старое оставалось даже и в названиях:

так, нижние этажи каменных зданий по-прежнему именовались *подклетами*, хотя были всегда со сводами и только по своей местности соответствовали подклетам деревянных хором. Крыльца и при каменных палатах сохранили свое древнее значение — хоромного крыла и ставились с совершенным подобием крыльцам деревянным, каково, напр., было крыльцо и при Грановитой палате, названное Красным. Но что особенно напоминало древний характер хоромных строений — это *переходы* или открытые сени, которые и в каменном дворце, по отдельности разных палат и зданий, составляли такую же необходимость, как и в хорамах деревянных.

Мы сказали, что в конце XV века, на месте великокняжеского деревянного дворца, воздвигнут дворец каменный. Мысль построить каменный дворец возникла вследствие новых потребностей, вызванных новым политическим положением московского государя. В конце XV века великий

князь Московский сделался самодержцем всея Руси; к Москве стали постепенно присоединяться разные области Древней Руси, жившие дотоле независимо, самобытно. Мысль о самодержавии московского государя с каждым днем приобретала более силы, более сознательности, а с этим вместе совершенно другое значение получал и государев дворец в Москве. Прежние формы, прежние *обряды* быта великокняжеского становились уже недостаточными в жизни государя-самодержца. Сверх того, это новое, государственное направление, только что возникшее в Москве естественным ходом ее истории, было приведено в полную сознательность и определенность с приездом в Москву греческой царевны Софьи Палеолог, с которою великий князь Иван Васильевич вступил в супружество. Последствия этого брака, имевшие важное значение в государственном отношении, не менее важны были и в частном быту московского государя: его двор и дворец с этого времени стали постепенно преобразовываться, заимствуя многое от угаснувшей Византии. Притом этот брак завязал самые тесные сношения Москвы с европейскими государствами; начались частые приезды иноземных послов, прием которых, при новых политических отношениях московского государя, требовал большей церемониальности, большего

великолепия; поэтому новый дворец, более обширный и более соответственный новым потребностям, был необходим. Вообще исход XV века составляет блестящую эпоху не только в истории государева дворца, но и в истории всего Кремля, который, по мнению некоторых иностранных путешественников XV и XVI веков, составлял собственно дворцовую крепость. Никогда, ни прежде, ни после, не было в Кремле такой напряженной деятельности в поновлениях и постройках. Соборы и церкви, палаты государевы, городские ворота, стены, стрельницы, башни с тайниками — все это быстро воздвигалось при помощи итальянских зодчих, нарочно для того вызванных, и не более как в 20 лет наружность Кремля совершенно изменилась. На месте прежних деревянных зданий были уже новые, каменные, более обширные, красивые и более прочные. Зубчатые стены с стрельницами, окруженные глубокими рвами, придавали Кремлю грозный, величественный и красивый вид, который еще с большею яркостью обрисовывался на темном грунте деревянных построек тогдашней Москвы и на зелени ее многочисленных садов, или, правильнее, огородов, находившихся почти при каждом доме.

Великий князь Иван Васильевич начал постройку нового каменного дворца с церкви

Благовещения, что на Сенях, воздвигнутой еще при великом князе Василии Дмитриевиче. В 1484 г., разрушив дедовскую постройку, он заложил новую, на каменном подклете, который обложил *казною*, то есть палатами для своей казны. Сверх того, с восточной стороны этой церкви, между нею и Архангельским собором, заложил кирпичную палату также с *казнами* и с большим белокаменным погребом, известную впоследствии под именем Казенного двора. Таким образом, не нарушая древнего обычая, великий князь и в каменном дворце устроил свою казну подле церкви. Почти в то же время, в 1487 г., с западной стороны Благовещенского собора, на великокняжеском дворе, вероятно, на том месте, где был набережный златоверхий терем при Дмитриии Донском, — Фрязин Марко Руф заложил каменную палату, которая, быть может, относительно Большой Грановитой называлась *Малою*, а также *Набережною* ²¹. В августе 1489 г. Благовещенская

²¹ Карамзин отнес 1487 г. к заложению Грановитой палаты, которая была окончена постройкою в 1491 г. Последующие описатели кремлевских древностей повторяли слова историографа. Но в летописи под 1487 г. сказано, что Марко Фрязин заложил палату на дворе великого князя, где терем стоял, а под 1491 г. упомянуто о совершении большой палаты на площади. Основываясь на этом различии местности на дворе и на площади и припомнив древний Набережный

церковь на государевых Сенях была уже освящена. Между тем постройка каменных зданий на дворе великого князя продолжалась. В 1491 г. Марко Руф и Петр Антоний выстроили *на площади большую палату*, которая сохранилась до нашего времени под именем Грановитой. Эта палата, как передний приемный покой дворца, заменила древнюю *зридню*, а в царском быту получила значение главной церемониальной залы. В 1492 г. апреля 5-го великий князь, переехав со всем семейством из своего старого двора в новые хоромы князя Ивана Юрьевича Патрикеева, стоявшие против церкви Иоанна Предтечи на Бору, повелел свой «старый деревянный двор разобрать и нача ставити каменный двор». Между тем, в то же время он велел поставить себе свой собственный двор за Архангельским собором, деревянный, в котором временно намеревался поселиться. Но это начало постройки каменного дворца было не совсем

Терем, мы должны были отнести 1487 г. к заложению не Грановитой, а Набережной палаты. Выражение большая палата указывает, что существовала малая. Малая палата, именно Набережная, упоминается в 1490 г. по случаю приема цесарского посла Юрия Делатора; след., еще до совершения Грановитой она служила уже приемною. В первое время Грановитая палата именовалась только Большою. (Памятники дипломатических сношений... I, 26; Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 10. Стб. 111).

благополучно. 28 июня 1493 г., в воскресенье утром, случился один из тех страшных, опустошительных пожаров, которые бывали довольно часто в древней столице и которые истребляли деревянные ее постройки почти каждый раз с конца в конец. Загорелось за Москвою-рекою, и при ужаснейшей буре в один миг «нечислено нача горети во мнозех местех». В Кремле прежде всего загорелся новый деревянный двор великого князя (Патрикеевский) у Боровицких ворот, в котором он только что поселился. Потом занялись житницы под горою, на подоле Кремля; оттуда новый двор великого князя за Архангельским собором; и все это место с другими близлежащими частями Кремля выгорело дотла. Летопись, описывая этот пожар, говорит в заключение, что «по летописцам и старые люди сказывают, как Москва стала, таков пожар не бывал». Великий князь выехал из опустошенного Кремля на Язу, к Николе Подкопаеву; поселился на *крестьянских дворах* и стоял там до ноября, когда и переехал в Кремль, в новые хоромы, выстроенные для него на пожарище. Опустошение, произведенное этим пожаром, было чувствуемо долго. В несколько часов Москва превратилась в огромное пепелище; жители остались без имущества, без крова; более двухсот человек погибло в пламени. При таких обстоятельствах великому князю вовсе нельзя было

думать о сооружении нового каменного дворца: нужно было прежде всего обстроить город, помочь его жителям, которые все, более или менее, пострадали от пожара... Точно так и было. Летописи этого времени не говорят ни о каких значительных постройках, ни в самом Кремле, ни на дворе великого князя. Напротив, в них находим известие об одних только распоряжениях великого князя, касавшихся более городского благоустройства. Еще после пожара, случившегося в Кремле в этот же 1493 год весной, великий князь велел очистить от строений и церковей Занеглименье, близость деревянных построек которого всегда угрожала Кремлю и на этот раз, вероятно, была причиной его опустошения. Несмотря на жалобы и неудовольствия некоторых лиц, все хоромы и церкви отнесены были от Кремлевской стены на расстояние ста десяти сажен. После июльского пожара, который начался за Москвою-рекою, великий князь велел также очистить от строений часть Замоскворечья, лежавшую против Кремля, и в 1495 г. развел там сад, называвшийся в XVII ст. государевым Красным садом и Царицыным лугом.

К сооружению каменного дворца приступили не прежде как через шесть лет после описанного пожара. В 1499 г. великий князь снова заложил «двор свой камен, полаты каменные и кирпичные, а

под ними погребы и ледники, да и стену каменную от двора до Боровицких ворот». Постройка поручена была новому итальянскому зодчему, «Фрязину Алевизу, от града Медиолама». Но великий князь не дождался окончания этих палат, на которые положил столько горячих забот и трудов; в 1505 г. он умер. Дворец был готов через три года после его смерти, и, в мае 1508 г., сын его Василий переехал на житье в эти новые хоромы. Достойный преемник всех начинаний своего отца, особенно в отношении новых построек, великий князь Василий Иванович, довершив неоконченный дворец, великолепно украсил его вместе с церковью Благовещения на Сенях, которую «повелел (1508 г.) подписати золотом, иконы все: деисус, праздники и пророки, обложить серебром и золотом и бисером, и верх церковный покрыть и позлатить». Сверх того, он воздвиг на старых местах две новые каменные церкви, одну в 1514 г., во имя Рождества Богородицы на Сенях, с приделом св. Лазаря²², и другую в 1527 г., во имя Спасова Преображения, на

²² Каменная церковь Рождества Богородицы построена в 1393 г. супругою Дмитрия Донского, великой княгиней Евдокией, на месте малой деревянной церкви св. Лазаря, которая вошла в новопостроенную как ее придел (Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 5. Стб. 254).

дворец, то есть посреди своего двора, также с приделами. В 1516 г. великий князь, распространяя хозяйственные постройки, выкопал по течению Неглинной, за Боровицкими воротами, пруды и поставил каменную мельницу²³.

Расположение каменного первоначального дворца весьма трудно определить с тою точностью, которая могла бы удовлетворить наше любопытство. Немного мимоходных кратких указаний на разные палаты этого дворца дают весьма сбивчивое понятие о его составе. Более всего в этом отношении замечательна и в высшей степени любопытна дополнительная статья к свадебному разряду великого князя Василия, бывшему в 1526 г., то есть спустя восемнадцать лет после постройки дворца²⁴. Вникнув хорошенько в этот акт, можно положительно сказать, что первоначальный каменный дворец начала XVI века, несмотря на пожары и беспрестанные перестройки и переделки, в главных чертах своих нисколько не изменился в течение двух с половиною веков и, покинутый царями в начале XVIII столетия, устоял,

²³ перл. Т. 3 С. 198.

²⁴ Дополнения к актам историческим... Спб., 1846. Т. 1. № 24. (Далее — ДАИ). Роспись, кому где быти по крыльцем и в дверях.

хотя и в развалинах, до времен императрицы Елисаветы Петровны и даже до начала нынешнего столетия. Руководствуясь сведениями, предлагаемыми этим любопытным актом, мы постараемся, сколько будет возможно, указать местность, по крайней мере, главных частей этого первоначального дворца.

Передний фасад дворцовых зданий или вернее сказать, лицо дворца обращено было на площадь, между Благовещенским, Архангельским и Успенским соборами и церковью Иоанна Лествичника, что под Колоколы, на месте которой в XVII веке воздвигнут «Иван Великий». На эту площадь выходили две дворцовые палаты — *Большая*, стоявшая на самой площади, ныне Грановитая, и *Средняя*, находившаяся между Большою и Благовещенским собором, к западу от них, на дворце, или на дворе великокняжеском. Перед Среднею палатою было *Красное*, иначе *Верхнее крыльцо*, или *Передние переходы*, на которые с площади вели три лестницы: одна была, как и теперь, у стены Большой, или Грановитой, палаты, — это та, которую теперь неправильно называют Красным крыльцом; другая — Средняя лестница, теперь не существующая; третья — Благовещенская паперть. Между лестницею подле Грановитой палаты и Среднею были ворота, которые, посредством проезда под Красным

крыльцом и Среднею палатою, вели с *дворца*, то есть со внутреннего двора, *на площадь*. Средняя лестница прямо, через крыльцо, вела в сени Средней палаты, которая почти с этого же времени (1517 г.) называется Среднею Золотою и просто Золотою, потому что была расписана внутри золотом. Из этих же сеней двери вели в *Столовую избу*, которая стояла позади Средней палаты против алтарей церкви Спаса на Бору. Подле Столовой избы была лестница вниз, на двор, к Спасу; крыльцо перед этою избою, служившее продолжением Передних переходов, соединяло ее с Набережною палатою, стоявшею против западных дверей Благовещенского собора. Далее к западу от этой палаты по линии Кремлевской горы, к Москве-реке, стояли *чердаки, или терема*. Посреди государева двора стоял, как мы уже упоминали, Спасский Преображенский собор. Постельные, или жилые, хоромы великого князя и *Постельная изба, княгинина половина*, примыкавшая к церкви Рождества Богородицы, находились на том самом месте, где теперь Теремный дворец. В то время существовали только два нижние этажа этого здания, построенные Алевизом на белокаменных подклетах и погребках, в одно время с другими палатами. Над этими-то этажами стояли деревянные Постельные хоромы великого князя и великой княгини, или собственно княгинина

половина. Здесь же, у церкви Лазаря Святого, находилась каменная приемная палата великой княгини, называвшаяся, как можно о ней предполагать, *Западною* и *Заднею* (1547 г.) в отношении к Передним переходам дворца, т. е. к Красному крыльцу, а также *палатою*, что у *Лазаря Святого*, — *Лазаревскою* (1535 г.), когда вел. кн. Елена принимала царицу Казанскую. Двери из этой палаты вели на *Постельное крыльцо*, которое примыкало также к сеням Грановитой палаты и соединялось дверью, между этих сеней и сеней Средней палаты, с Передними переходами, или Красным крыльцом. С восточной стороны это здание оканчивалось *Наугольною* палатою, что от Пречистой (Успенского собора), в которой впоследствии была устроена Царицына Золотая палата²⁵. Лестница с Постельного крыльца вела на двор, к Спасу. Поваренный дворец стоял позади Рождественской церкви и хором великой княгини, соединяясь с этими хорами Задним крыльцом с лестницею. По береговой линии дворец простирался до церкви Иоанна Предтечи на Бору,

²⁵ Древняя российская вивлиофика. Ч. 13. С. 13. Подробности о постройке и устройстве Теремного дворца см. в нашем описании этого здания в ст. «Теремной дворец в Московском Кремле» (Памятники древнего русского зодчества... М., 1853. Тетр. 3. Л. 10–13).

где в палате, что на дворце, в 1537 г. скончался в заключении, в нужде, страдальческою смертью кн. Андрей Иванович Старицкий.

Вот в кратком очерке расположение каменного дворца, заложенного великим князем Иваном Васильевичем. Воздвигнутый итальянцами по мысли, или, по крайней мере, при сильном влиянии супруги великого князя, Софьи Фоминичны Палеолог, этот дворец не мог, конечно, во всем подчиниться русским вкусам и потребностям; архитектура его, по современным же свидетельствам, как и следовало ожидать, носила характер итальянский. Что касается его внутренних украшений, то можно также полагать, что вкус великой княгини Софьи, воспитанной в Италии среди родственников и единоземцев греков, и вкус довершителя дворца великого князя Василия, воспитанного Софьею, внесли в новый дворец много таких вещей, которых не знала простая жизнь прежних великих князей и которые были необходимы при новом значении московского великого князя как царя. Впрочем, нельзя сказать, чтобы каменный дворец московских государей был совершенною новостью в тогдашнее время; потому что в Новгороде, гораздо прежде, мы находим обширный *владычный двор*, с особенным великолепием устроенный после пожара в 1432 г., архиепископом Евфимием, который выстроил там

каменные *комнаты*, большие каменные палаты и разные другие здания для своего обихода. Некоторые палаты и сени были им *подписаны*, то есть украшены стенописью; одна из больших палат, название которой нам неизвестно, была о *тридцати дверях* ! Все эти постройки воздвигнуты были немецкими зодчими, из-за моря, при помощи новгородских мастеров ²⁶ . Может быть, новгородский владычный двор послужил отчасти образцом или примером и для московского дворца. Великий князь Иван Васильевич, побывав под Новгородом, установив там «правду московскую», без всякого сомнения, видел и то благолепие, среди которого жил новгородский владыко и перед которым нельзя было оставаться хладнокровным зрителем московскому самодержцу. По крайней мере, после присоединения Новгорода к Москве начинаются все преобразования не только в отношении дворца, но и в отношении самой Москвы, например, Кремля. С этого же времени появляются в Москве каменные здания и у частных лиц, например, палата на четырех каменных подклетах, выстроенная митрополитом Геронтием, каменные палаты у Ховрина и Василия Образца и т. д.

При царе Иване Васильевиче, в 1547 г., 21

²⁶ ПСРЛ. Т. 3. Г. 111–114.

июня, московский дворец сделался жертвою нового, ужаснейшего пожара, который равным образом истребил и всю Москву. «Загореся храм Воздвижения Честнаго Креста, — говорит летописец, — за Неглинной, на Арбатской улице, на Острове, и бысть буря велика, и потече огонь якож молния, и пожар силен промче во един час Занеглименье. И обратится буря на град большой (Кремль)»²⁷. Здесь, на царском дворе, вспыхнули кровли на палатах и деревянные избы государя. Потом занялись и каменные палаты, украшенные золотом; сгорели также Казенный двор с царскою казною, Оружничья палата с воинским оружием, Постельная палата, царская конюшня и даже в погребах под палатами выгорело все, что только было в них деревянного. Не устояла и церковь Благовещения Златоверхая. В ней погибли невозвратно деисус письма знаменитого иконописца Андрея Рублева, обложенный золотом, и все иконы греческого письма древних великих князей, собранные *от многих лет* и украшенные также золотом и бисером многоценным, то есть дорогими камнями. Летописец снова замечает, что «таков пожар не бывал на Москве, как она стала именоватися великими князьями, славна и честна быти по государству их». Опустошив весь Кремль,

²⁷ Царственная книга... С. 137.

пожар перешел и в другие части города и свирепствовал с такою силою, что, по выражению летописца, «железо яко олово разливашеся и мед яко вода растаяваше». Государь выехал в село Воробьеве, и жил там все время, пока в Кремле ставили для него новые деревянные хоромы и возобновляли распавшиеся от огня палаты. Для украшения Благовещенского собора иконами и царских палат стенописанием собраны были из Новгорода, Пскова и других городов иконописцы, которые и восстановили прежнее благолепие царского дворца.

Возобновив дворец, царь увеличил его впоследствии новою пристройкою. В 1560 г. он повелел устроить для своих детей «особный двор и хоромы позади большой Набережной палаты, *на взрубѣ*», с храмом Сретения Господня. Потом, в 1565 г., учреждая опричнину, царь задумал было свой *особый Опричный* дворец выстроить позади дворцовой церкви Рождества Богородицы, там где были хоромы великой княгини и где стоял Поваренный дворец с разными приспешными палатами, с погребами и ледниками, по самые Куретные ворота, которые вели на Поваренный дворец. Но предположение это осталось предположением потому, вероятно, что не совсем согласовалось с духом опричнины, который требовал совершенного удаления от старого

порядка, между тем как предполагаемый дворец должен был стоять подле кремлевских палат, оставленных за земщиною. По крайней мере известно, что царь повелел выстроить себе дворец вне Кремля, за Неглинною, на Воздвиженке, против кремлевских Ризположенских (ныне Троицких) ворот, на месте, где был двор князя Михаила Темрюковича Черкасского. В этот дворец он и переехал 12 января 1567 г.²⁸, но жил в нем недолго, потому что любимым его местопребыванием с этого времени была Александрова слобода, откуда он приезжал только для приема иноземных послов, и весьма редко для других каких-либо дел. Покинутый царем, этот Опричный дворец вскоре сгорел, именно во время нашествия крымского хана Девлет-Гирея, истребившего Москву ужаснейшим пожаром, жертвою которого был также и дворец Кремлевский. Это было в мае 1571 г. Летопись с прежними сетованиями описывает страшные бедствия этого пожара; его испугался даже сам Девлет-Гирей и удалился в село Коломенское. Для нас любопытные известия собственно о Кремлевском дворце. Летописец говорит, что «в

²⁸ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 9. Стб. 31, 137–138, 268. Наши предположения о местоположении этого Опричного дворца см.: Забелин И. Е. Опричный дворец Ивана Васильевича // Археол. изв. и заметки. 1893. № 11. С. 399–416.

Грановитой, и в Проходной, и в Набережной, и в иных полатах прутье железное толстое что кладено крепости для, на связки, перегорело и переломалось от жару». Само собою разумеется, что царский дворец не оставался в таком положении и вскоре был возобновлен, хотя об этом не говорят ни летописи, ни акты, доселе известные. За остальные годы царствования Ивана Васильевича Грозного о дворце имеем мало сведений. Из известий уже XVII ст. узнаем только, что его хоромы стояли позади Средней Золотой палаты и заключали в себе передние сени, переднюю и две комнаты.

При царе Федоре Ивановиче, судя по отзывам иностранных путешественников, дворец был в цветущем состоянии; все приемные палаты в это время были великолепно украшены стенописью. При царе Федоре устроена²⁹, вероятно, и приемная Золотая палата для его супруги, царицы Ирины, отчего эта палата и называлась *Палатою царицы Ирины*, Золотою *Царицыною палатою* и *Меньшею Золотою*, в отличие от *Большой Грановитой* и *Средней Золотой*. Прежде она именовалась просто *Наугольною* от Пречистой, т. е. со стороны Успенского собора.

Царь Борис Федорович Годунов, во время голода, бывшего в 1601 и 1602 гг., повелел, «чтобы

²⁹ Это здание построено Иваном III.

людем питатися», воздвигнуть большие каменные палаты *на взруб* ³⁰, «где были царя Ивана хоромы», построенные им для детей. Это было здание Запасного двора, фасад которого опускался по взруб под гору и над которым в XVII ст. находим уже Набережный Красный сад. Здесь же, кажется, были и деревянные жилые хоромы царя Бориса, сломанные по повелению Самозванца.

При Самозванце больших перемен в составе дворца не могло произойти по его кратковременному пребыванию в царских палатах. Известно только, что он выстроил для себя новые хоромы, вероятно, на месте годуновских, весьма красивые, по свидетельству современников, в польском вкусе; они находились возле Сретенского собора, на верху упомянутого здания Запасного двора, и лицом обращены были к Москве-реке³¹. О постройке этих хором современник и очевидец их Исаак Масса рассказывает следующее: «Над большою Кремлевскою стеною (т. е. над зданием

³⁰ Летопись о многих мятежах... 2-е изд. М., 1788. С. 64.

³¹ Чтения в О-ве истории и древностей российских. 1847. № 9. С. 25; Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 11. Стб. 131, 402, 552; Сказания современников о Димитрии Самозванце. Спб., 1832. Ч. 3. С. 143; 1834. Ч. 4. С. 23, 164.

Запасного двора) Лжедмитрий велел построить великолепное здание, откуда была видна вся Москва. Оно было построено на высокой горе, под которою протекала река Москва, и состояло из двух строений, расположенных одно подле другого и сходящихся под углом. Одно предназначалось для будущей царицы, а другое для царя. (Следует изображение дворца.) Так стоял дворец на верху высоких тройных стен³². В этом дворце Димитрий велел позолотить очень дорогие балдахины, стены обить дорогою парчою и рытым бархатом; все гвозди, крюки, цепи и петли дверные покрыть очень толстым слоем позолоты; внутри сделать превосходные печи и украсить их разнообразными произведениями искусства (по дневнику Марины, печи были зеленые и некоторые обведены серебряными решетками); занавесы у окон сделать из отличной ткани алого цвета. Он приказал выстроить роскошные бани, красивые башни и конюшню рядом со своим дворцом, хотя в нем уже была одна большая конюшня. В вышеописанном дворце царь велел устроить множество потаенных

³² Со стороны Москвы-реки Кремль был обнесен двумя рядами стен; третья стена, о которой здесь говорится, был фасад здания Запасного двора, представлявшегося из Замоскворечья тоже в виде стены.

дверей и ходов...»³³

Из этого дворца Самозванец любовался не только видами Москвы, но и разными потехами, которые зимою устраивал на льду Москвы-реки.

Тот же Исаак Масса рассказывает, что «Лжедмитрий, любя воинские упражнения, приказывал строить крепости для осады и обстреливания их пушками и однажды велел сделать для образца крепость, двигавшуюся на колесах, с несколькими небольшими пушками и разного рода огнестрельными снарядами. Он хотел употребить эту подвижную крепость против татар и этим *испугать* как их самих, так и их лошадей. И действительно, это изобретение было очень остроумно. Зимою Димитрий приказал для пробы выставить на льду реки Москвы эту крепость, и рота польских всадников должна была ее осаждать и брать приступом. Это зрелище царь мог отлично видеть сверху, из своего дворца, и ему казалось, что крепость вполне удовлетворяет его желанию. Она была прекрасно сделана и *вся раскрашена*: на дверях были изображены *слоны*, на окнах — *вход в ад*, извергавший пламя; в нижней части на небольших окнах, *имевших вид чертовых голов*, были поставлены маленькие орудия». Наивный

³³ Масса И., Геркман Э. Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. Спб., 1874. С. 166, 169–170.

Масса верил, что от такого остроумно придуманного изобретения татары тотчас пришли бы в замешательство и обратились бы в бегство! «Москвитяне, — оканчивает он, — назвали эту крепость *адским чудовищем*, и после смерти Димитрия, которого они называли чародеем, говорили, что он на время запер там черта, впоследствии сожженного вместе с этой крепостью (и с трупом Самозванца)».

Эта замысловатая крепость была не что иное, как небольших размеров *Гуляй-город*, весьма употребительный в то время в наших военных действиях. Изобретательность Самозванца заключалась только в том, что он расписал красками этот городок в образе апокалипсического треголового ада, для чего, вероятно, верх городка был устроен в виде трех башен в соответствии адовым головам³⁴.

Описание Массы значительно пополняется и современным русским рассказом об этом аде: «И сотвори себе (Самозванец) в маловременной сей жизни потеху, а в будущей — знамение превечного

³⁴ Следуя за Карамзиным (Т. 11. Стб. 131), мы, в прежних изданиях нашего труда, ошибочно говорили об этом городке, как об огромном медном Цербере, стоявшем на сених, перед хоромами Самозванца. Сказание Массы вполне разъяснило, какого рода был этот Цербер и где он стоял.

своего домовища, его же в Российском государстве, ни во иных, кроме подземного, никто же его на земли виде — *ад* превелик зело, имеюще у себя *три главы*; и содела обоюду челюсти его от меди бряцало велие. Егда же разверзет челюсти своя, извну его яко пламя предстоящим ту является и велие бряцание исходит из гортани его; зубы же ему имеюще ослаблени и ногти его, яко готови на ухапление; и изо ушию якож пламеню распалившуся. И постави его проклятый он прямо себе, на Москве-реке, себе во обличение; даже ему из превысочайших обиталищ своих зрети нань всегда и готову быти, в некончаемый век, в онь на вселение и с прочими единомышленники своими»³⁵. Из описанных выше хором Самозванец, преследуемый по всем комнатам разъяренною

³⁵ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 11. Стб. 131, 403. См. также Хронографы, которые свидетельствуют притом, что в этом аду сожжено было и тело Самозванца, «на месте, нарицаемом Котле, от града яко семь поприщ, за курганами»; по другим, в Садовниках, за Москвою-рекою: «а ростригино тело, в соделанном его аде, за Москвою-рекою в Верхних Садовниках сожгоша и приятелей его поляков поставища около ада смотрити, дабы в Польше сказали, яко рострига царствует во аде». См. нашу заметку «Важный хронограф особого состава» (Арх. ист. — юрид. сведений, относящихся до России. 1850. Кн. 1. отд. 6. С. 32–42).

толпою, выскочил в окно и упал на *Житный двор*, который расположен был под горою Кремля, под самым дворцом Самозванца. За несколько часов прежде, по тому же самому пути, отправлен был смелый обличитель его, дьяк Тимофей Осипов: изрубленный немецкою стражею на сенях Лжедмитриевых хором, он был свержен оттуда вниз, где стояли житницы³⁶.

Царю Василью Ивановичу Шуйскому некогда было заниматься дворцом: он выстроил только для себя и для своей царицы новые брусяные хоромы, потому что жить в опальном дворце Лжедмитрия было неприлично новому, законному государю.

После Шуйского настает Московская *Разруха*, которая не истребила царских палат страшным пожаром, как было прежде, при великом князе Иване Васильевиче и при внуке его, Грозном; но зато опустошила их так, что, при вступлении на престол царя Михаила Федоровича, дворец представлял самую грустную картину: от прежнего великолепия, которому так дивились посещавшие нас иностранцы, остались только голые стены, в самом точном смысле этого слова. «На царском дворе, говорит рукопись Филарета, во святых Божиих церквах, и в полатах, и по погребам — все

³⁶ Чтения в О-ве истории и древностей российских. 1847. № 9: Сказание и повесть, еже содеаяся.

стояху Литва и Немцы и все свое скаредие творяху». Так, например, в Грановитой палате стоял известный Маскевич, оставивший нам такую живую картину московских происшествий этого времени. Следы пребывания поляков в царских палатах оставались до царя Михаила Федоровича. При вступлении его на престол, все палаты и хоромы были без кровель, без полов и лавок, без окончин и дверей, так что новому царю негде было поселиться³⁷. Отправившись в Москву, в конце апреля 1613 г., он повелел Земскому совету изготовить к своему приезду Золотую палату царицы Ирины Федоровны, супруги царя Федора, с проходными сенями; еще другую палату с сеньми же и все так называемые «Мастерские палаты», стоявшие между Золотую и церковью Рождества Богородицы, которые впоследствии составили нижний этаж каменных хором, существующих дныне под именем Теремного дворца. Для своей матери, инокини Марфы Ивановны, царь велел устроить деревянные хоромы супруги царя Василия Шуйского. На исправление этих палат и хором употреблены были, за недостатком леса, брусяные хоромы царя Василия. Между тем, еще до царского указа. Земский совет приготовил для государя палаты: Среднюю Золотую, Грановитую и старые

³⁷ Дворцовые разряды... Т. 1. С. 1154.

хоромы, в которых жил царь Иван Васильевич, что слыл чердак (терем) первой супруги его, Настасьи Романовны. Все это, разумеется, делалось наскоро, при недостатке денег, плотников и леса, нужного для этих поделок. Но, несмотря на такие затруднения, дворец был приведен в возможное устройство, и молодой царь поселился в нем с матерью в конце апреля 1613 г. Трудно было царю Михаилу восстановить прежнее благолепие дворца. Московское государство, которого он был избранником, в течение десяти лет постоянно тратило свои силы и к концу было вовсе разорено, так что в начале его царствования не давало средств к восстановлению прежнего порядка не только в государстве, но и в самой Москве, которая, как представительница русской жизни, в то время была так же или дотла выжжена, или разграблена до нитки... Предки наши очень верно прозвали эту несчастную эпоху в истории Москвы — *Московскою Разрухою*.

Постепенно, по мере средств, которые были еще незначительны, царь восстанавливал Москву, причем и дворец также постепенно возобновлялся и устроивался. В 1615 г. иконописцы, Ивашка да Ондрюшка Моисеевы, расписывали уже в *новые* большие государевы хоромы, выстроенные еще в 1614 г., *подволоки*, или плафоны. В 1616 г. в тех же хорамах *Серебряной палаты* сторож Михалка

Андреев делал *литую вислую подволоку* (потолок, плафон), которая была им же и вызолочена³⁸. В январе того же года государь справлял новоселье в этих хоромах и наградил, вероятно, за постройку, плотников Первова Исаева, Салмана Пантелеева, Бажена Родионова. Потом над Золотою Меньшею, или Царицыною, и над Проходною палатами и на Постельном крыльце устроены новые кровли, деланные котельными мастерами, что и заставляет думать, что кровли были медные. 1619 г., февраля 14-го, в царских хоромах случился пожар, последствия которого неизвестны; но можно догадываться, что царские деревянные хоромы были истреблены, потому что в 1620 г. дворцовый плотничий староста, Первой Исаев, выстроил для государя *новые хоромы, новую Столовую избу и Постельную комнату*, которые на другой год были украшены *знаменьем и письмом*, т. е. иконописью, или живописью в иконном стиле, известнейшими в то время иконописцами: Прокопьем Чириным, Назарьем Савиным, Иваном Паисеиным, Осипом Поспеевым, *травником* Лукою Трофимовым и другими. В конце ноября того же года справлено в *Столовой* новоселье. В 1624 г. государь прибавил к своим хоромам *две мыленки, избушку и сенничек*, а

³⁸ Расходные книги Казенного приказа 7124 г., № 898 и дела этого приказа в столбцах в Арх. Оружейной палаты.

в 1625 г. возобновил церковь Рождества Богородицы на Сенях с приделом св. Лазаря. В том же году, за дворцом построены были каменные ледники и пивоварни, а над дворцовыми Куретными воротами *светлица* — *палата* мастерицам, золотым и белым швеям, для которых подле этой палаты выстроено было также несколько деревянных светлиц на подклетах³⁹. Но только что дворец приведен был в надлежащее устройство, как снова пожар опустошил его в 1626 г., 3 мая. В Кремле, кроме монастырей Вознесенского и Чудова, «двор государев и патриарший и в приказах каменных всякие дела погореша, и казна, и конюшни, и житницы все, и все *жила* государевы погореша». Но в то же лето, после пожара, дворцовый плотничий староста (так звали наших старинных архитекторов), тот же Первуша Исаев поставил государю новые жилые Постельные хоромы, в которых 17 сентября царь справлял уже новоселье в новой *Передней избе*. Потом в 1627 и 1628 гг. тот же Первуша Исаев выстроил новую Брусную *Столовую избу*. 23 ноября 1628 г. в ней, по обычаю, было также новоселье: царь угощал бояр обедом, а они, на

³⁹ Расходные книги Казенного приказа в Арх. Оружейной палаты. № 898, 905, 909, 916, 921, 923 и Расходные книги Мастерской Царицыной палаты, № 738.

новоселье, били ему челом, хлебом да солью, да парюю или даже целым сороком собольих мехов, смотря по достатку⁴⁰. Между тем как русский плотничий староста рубил государю новые деревянные хоромы, иностранный архитектор, палатный мастер Джон Талер, в 1627 г., возобновлял Сретенский собор и строил на сенях царицы новую каменную церковь во имя великомученицы Екатерины, на месте прежней деревянной, построенной в 1586 г. и сгоревшей в пожаре, о котором мы упоминали выше⁴¹. Вообще после этого пожара каменные постройки следуют одна за другою непрерывно. По указу государя, собраны были в это время из Ростова, Суздаля, с Белоозера и других мест все каменщики и кирпичники «для многих церковных, дворцовых и полатных каменных дел»; вызван был также «Голандския земли немчин, кирпичный мастер Рудирик Мартыс», который в кирпичных сараях

⁴⁰ Дворцовые разряды... Спб., 1850; Разрядная книга библиотеки П. Ф. Корабанова, разряды 7135–7137 годов; Расходная книга Казенного приказа в Арх. Оружейной палаты № 912.

⁴¹ Впоследствии на верху этой церкви был устроен новый храм во имя св. Евдокии, освященный в 1681 г. во имя Словущего Воскресения.

под Даниловскою слободою «делал кирпичную ожигальную печь и над печью деревянный шатер, по своему немецкому образцу, и кирпич делал»⁴². В 1613 г. каменных дел подмастерья Антипа Константинов да Трефил Шарутин выстроили на Кормовом дворце каменную поварню, на которую вода проведена была с Москвы-реки посредством водоподъемной машины. В 1633 г. часового и водовзводного дел мастер Христофор Галовой взвел воду с Москвы-реки в Свиблову башню, «а из башни тое воду провел на государев Сытный и на Кормовой Дворец в поварни». С этого времени башня стала называться Водовзводною, от *водяного взвода*, или машины, в ней устроенной и с таким удобством доставляющей тогда еще чистую и здоровую москворецкую воду на царский обиход. Ниже мы увидим, что, посредством этой машины, во дворце была устроена целая система водопроводов и водовзводов.

В 1635–1636 гг. государь выстроил для себя и для детей жилые, или покоевые, хоромы *каменные*, — что в царском быту, для того времени, было новостью, потому что собственно для жилья всегда предпочитались хоромы деревянные, которым старые привычки не изменяли и

⁴² Расходные книги Казенного приказа в Арх. Оружейной палаты. № 930, 1089.

впоследствии. Может быть, пожар 1626 г. понудил, среди деревянных построек, хотя одно жилье сделать более безопасным. Эти каменные хоромы были воздвигнуты на стенах старого здания, выстроенного еще Алевизом, именно над *Мастерскою палатою* и над палатами подклетными, которых ряд тянулся далее к церкви Рождества Богородицы. Прежде над этим подклетным этажом алевизовской постройки, между упомянутых двух приемных царицыных палат, Задней и Наугольной, т. е. Золотой Царицыной, стояли Постельные деревянные хоромы, на месте которых и возведены теперь *три новых* этажа, подлицо с царицыными приемными палатами, с теремом наверху. Верхний этаж с теремом назначен был для малолетних царевичей Алексея и Ивана, что значитя и в надписи, сохранившейся над входом доныне. Терем в то время назывался *Чердаком* и *Каменным Теремом*, а в начале XVIII века *Золотым теремком*, отчего и теперь все это здание называется Теремным дворцом. Все здание, таким образом, сохранило тип деревянных жилых хором и служит любопытным и единственным в своем роде памятником древнего русского гражданского зодчества. В его фасаде и даже в некоторых подробностях внешних украшений остается еще многое, что напоминает характер древних деревянных построек. Таковы,

напр., каменные *ростески* и *рези* в наличных украшениях окон; по рисунку они вполне напоминают резьбу из дерева. Но яснее всего характер деревянных построек, имевший такое влияние и на каменные, раскрывается во внутреннем устройстве здания. Почти все его комнаты, во всех этажах, одинаковой меры, каждая с тремя окнами, что совершенно напоминает великорусскую избу, до сих пор сохранившую это число окон. Таким образом, Теремный дворец представляет несколько изб, поставленных рядом, одна подле другой, в одной связи и в несколько ярусов, с чердаком, или теремом, наверху. Сила потребностей и неизменных условий быта, среди которых жили наши предки, подчинила своим целям и каменное, довольно обширное, строение, которое давало полные средства устроиться по плану более просторному и более удобному для жизни, по крайней мере, по теперешним понятиям. Но само собой разумеется, что оно вполне отвечало тогдашним требованиям удобства и уютности, и мы будем несправедливы, если только со своей точки зрения станем рассматривать и осуждать наш старый быт и все формы, в которых он обнаруживал свои требования и положения. В 1637 г. эти новые каменные хоромы были отделаны окончательно: какой-то конюх Иван Осипов, по ремеслу златописец, наводил уже в это время

сусальным золотом, серебром и разными красками на кровлю репы «да в теж хоромы, во все окна (опроче чердака, т. е. терема) делал слюденые окончины». В то же время, как строились эти хоромы (1635–1636 гг.), с восточной их стороны, над Золотою Меньшею палатою цариц, сооружен был особый домовый храм во имя Нерукотворенного Спасова образа с приделом Иоанна Белоградского, тезоименитого царевичу Ивану. В древности, как мы видели, такие храмы, обозначаемые выражением: *что на сенях*, составляли одно из необходимейших условий каждого отдельного помещения в царском быту. *Сенные, верховые* храмы находились и на царицыной половине, также у царевен и у царевичей, почему и постройка нового храма в этой части дворца вызвана была единственно только новым отдельным помещением государевых детей. Площадка между Теремом и новою церковью образовала *Передний каменный двор*, с которого лестница вниз вела на Постельное крыльцо и запиралась впоследствии *золотою решеткою*, отчего и церковь Спаса обозначалась: *что за Золотою решеткою*. Необходимо упомянуть, что и Теремный дворец и церковь Спаса строили русские *каменных дел подмастерья*, по нынешнему архитекторы, Бажен Огурцов, Антип Константинов, Трефил Шарутин, Ларя Ушаков. В одно время с

описанными постройками, те же подмастерья выстроили над Куретными дворцовыми воротами новую каменную *Светлицу*, в которой должны были работать царицыны мастерицы, золотошвеи и белошвеи, со своими ученицами. В последние три года своего царствования Михаил выстроил еще какие-то дворцовые палаты и устроил новые хоромы на Цареборисовском дворе для датского королевича Волдемара, за которого хотел выдать дочь свою Ирину⁴³.

Таким образом, царь Михаил в течение тридцати двух лет своего царствования успел не только восстановить старый дворец, но и увеличил его новыми каменными и деревянными постройками, выроставшими по мере размножения царской семьи и развития потребностей быта, который, несмотря на силу предания, мало-помалу все-таки двигался далее, вперед, предваряя в некоторых, хотя и мелочных, отношениях приближавшуюся реформу. Его сыну, царю Алексею Михайловичу, оставалось немного дела в отношении основных сооружений. И действительно, в его царствование мы не встречаем особенно значительных построек на царском дворе. Он возобновлял большею частью старое, переделывал и украшал по своей мысли здания,

⁴³ Там же. № 756, 792, 930, 957–958, 979, 986, 1073, 1089.

построенные предками или его отцом. В первое время, когда ему было всего 17 лет, в 1646 г., то есть спустя год по смерти отца, он построил себе новые *Потешные хоромы*, которые тогда срубил дворцовый плотник Васька Романов. Из других построек упомянем о более значительных. Так, в 1660 г. была возобновлена дворцовая палата, построенная, может быть, при Михаиле, в которой помещался Аптекарский приказ и Аптека. Каменных дел подмастерье Вавилка Савельев делал в ней окна и двери и под старые своды подводил новые своды, а знаменщик, т. е. рисовальщик, Ивашка Соловей писал стенное письмо. Палата эта стояла недалеко от церкви Рождества Богородицы⁴⁴. В 1661 г. вместо старой Столовой избы государь выстроил новую и великолепно украсил ее резьбою, золоченьем и живописью в новом заморском вкусе, по *вымыслу* инженера и полковника Густава Декенпина, который под именем *вымышленика* выехал к нам в 1658 г.⁴⁵ Резные, золотильные и живописные работы исполняли уже в 1662 г. также иноземные мастера,

⁴⁴ Расходные книги в Арх. Оружейной палаты № 1015, 7168 г.; См. также в отделе Материалов № 28.

⁴⁵ Расходные книги в Арх. Оружейной палаты № 1013, 7166 г.; № 1082 и 1020.

большого частью поляки, призванные в Москву во время польской войны, именно резчики, вырезавшие окна, двери и подволоку (плафон): Степан Зиновьев, Иван Мировской с учениками, Степан Иванов и живописцы: Степан Петров, Андрей Павлов, Юрий Иванов. В том же 1662 г., апреля 1-го, на именины царицы государь справил широкое новоселье в этой Столовой⁴⁶. Подобным же образом была украшена и новая Столовая царевича Алексея Алексеевича, построенная в 1667 г. В 1668 г. ее расписывали живописцы: Федор Свидерский, Иван Артемьев, Дорофей Ермолин, Станислав Куткеев, Андрей Павлов; а резали ученики упомянутых выше мастеров, из которых Иван Мировский размеривал для резьбы и живописи подволоку⁴⁷. Так же, впоследствии, украшены были и новые Постельные хоромы, выстроенные царем в 1674 г. На трех плафонах этих хором государь велел написать *притчи пророка Ионы, Моисея и о Эсфири*. В 1663 г. каменных дел подмастерье Никита Шарутин починил на дворце, в Верху у государя, *соборную церковь Спаса*

⁴⁶ Дополнения к тому 3 Дворцовых разрядов. Спб., 1854. С. 327.

⁴⁷ См.: Расходные книги в Арх. Оружейной палаты. № 382, 384.

Нерукотворенного Образа и трапезу сделал наново. Без сомнения, трапеза была распространена против прежней, потому что домовый храм Спаса, при царе Алексее, жившем в теремных покоях, стал соборным и в этом значении заменил для царского двора древние соборы Спасо-Преображенский, Благовещенский и Сретенский. Около того же времени, вероятно, произведены были переделки и возобновления в теремном здании. В 1670 г. Передний верхний двор, или площадка, находившаяся между этими покоями и церковью Спаса, была украшена медною вызолоченною решеткою, запиравшею вход с лестницы, которая вела в Терем с Постельного крыльца. Любопытно, что эта прекрасная решетка, сохранившаяся и доныне, была перелита из медных денег, выпущенных перед тем в народ и наделавших столько неудовольствий, убытков, смут и казней⁴⁸.

В 1672 г. над приказом Аптекарской палаты в палатах был устроен театр, в котором с осени того же года *магистр Яган Годфрид* исправлял *комедию*, или *комидейное действие*, с своею труппою,

⁴⁸ См. в столбцах Арх. Оружейной палаты: память о присылке плавельщиков медного дела, Ивашки Казаринова с товарищи, для плавления медных денег к государеву хоромному делу на медные решетки, 15 ноября 1718 г.

которую составляли 26 человек комедиантов, мещанских детей⁴⁹. С этого времени делается известным *Потешный дворец*, как новое особое отделение царского дворца, заменившее упомянутые *Потешные хоромы* и в особенности *Потешную палату*, существовавшую до того времени в государевых каменных хоромах именно в подклетном этаже теремного здания, под переднюю, третьем и четвертою⁵⁰. Основанием этому дворцу, по всему вероятно, послужили палаты Аптекарского приказа, стоявшие, как мы упомянули, неподалеку от церкви Рождества Богородицы. По смерти царского тестя Ильи Даниловича Милославского, в 1668 г., его двор с домовым храмом Похвалы Богородицы, находившийся рядом с Конюшенным государевым дворцом и подле этих палат, поступил также в число царских хором и был соединен с ними от Рождественской сенной церкви деревянными переходами, устроенными в 1669 г. Этот двор вместе с Аптекарскими палатами составил дворец Потешный, на котором в 1671 г. перекинуты были

49 Временник Моск. о-ва истории и древностей российских. 1856. Кн. 24. Материалы.

50 Расходные записки приказа Тайных дел 1670 г.

еще новые переходы от Оружейной палаты⁵¹. Ко времени царя Алексея Михайловича можно отнести и постройку церкви Спасова Нерукотворенного Образа, на сенях у царевен, сестер государя, Ирины, Анны и Татьяны, хоромы которых стояли позади дворца, у Куретных ворот, находившихся со стороны Троицкого подворья и Троицких кремлевских ворот. Церковь эта существовала уже в 1669 г., когда по случаю смерти царицы Марьи Ильичны государь подал в нее сорокоуст для поминовения царицы. Она именовалась в это, время: Спас, что слово Новая церковь; Спас Новая церковь, что у Троицкого подворья; также Спас у царевен на Сенях. После стали ее обозначать: что у Куретных ворот, что над Куретными воротами.

В истории государева дворца царствование

⁵¹ Местность этих последних переходов указывается следующею заметкою Расходной книги Оружейного приказа 1679 г. Там между прочим сказано: «Мастеровые люди делали и тесали кирпич дубовый в проходных сенех (что меж Оружейною Полатою и Выборною и что ходят на Потешный Двор), на пол, для государского шествия». (Расходные книги в Арх. Оружейной палаты. № 248). Позднейшие известия прямо указывают, что Аптека помещалась подле упомянутых переходов. В журнале Оружейной палаты 1727 г. ноября 13-го записано между прочим: «В Москве Потешный двор и на дворце, начав от переходов, полаты, в которых преж сего бывали Аптека, Оружейная и прочие все рядом перевесть в иные места».

Алексея Михайловича замечательно более потому, что с этого времени в царский дворец вошло много разных улучшений, которые дотоле или весьма мало, или даже вовсе не были известны. Важные последствия в этом отношении принесла польская война 1654–1667 гг., когда царь сам лично «поволил итти на недруга своего и супостата, польского и литовского короля Яна Казимера, за его многие неправды и за крестопреступление». Счастливое начало этой войны довольно известно. Войска, воодушевляемые личным присутствием царя, взяли — кроме многих других, менее значительных городов — Смоленск, Витебск, Могилев, Полоцк, Вильно, Ковно, Гродно; пребывание царя в некоторых из этих городов, и особенно в Вильно и Полоцке, познакомило его с образом жизни совершенно новым. По свидетельству Коллинса, царь с этого времени стал преобразовывать двор, завел даже театр, как мы упоминали. Вызвав из всех посещенных им городов многих ремесленников и художников, он употребил их искусство и труды особенно на украшение своего дворца, для чего и причислил их всех к замечательному в то время дворцовому художественному и ремесленному заведению, известному более под именем Оружейной палаты, из которой они получали весьма достаточное содержание. Сверх того, государь отдал им в науку

русских учеников, которых они должны были выучить всему, что сами знают. С этого времени характер украшений дворца во многом изменился. Внутри дворца появились обои (золотые кожи) и разного рода мебель на немецкий и польский образец. Характер резьбы по дереву, столько употребительный во всех внутренних и внешних украшениях дворца, также изменился. Обыкновенную русскую резьбу, по одной только поверхности дерева, — заменила фигурная немецкая резьба во вкусе немецкого рококо, как можно судить по дошедшим до нас памятникам из домашней утвари того времени.

По смерти Алексея Михайловича, продолжателем всех его начинаний, в отношении устройства и украшения дворца в новом характере, был сын его, царь Федор, который в недолгое царствование, продолжавшееся с небольшим шесть лет, по выражению надписи на его портрете, *преизрядчо обновил* дворец и расширил новыми постройками. Новые отделения во дворце были необходимы. Царь Алексей Михайлович оставил после себя многочисленное семейство, которое еще при нем требовало более обширного помещения. По вступлении же на престол сына его, Федора, занявшего жилище своего отца, потребовалось отделить особые хоромы для вдовствующей царицы Натальи Кирилловны с малолетним ее сыном,

царевичем Петром. Поэтому замыслили, по проискам сторонников царевны Софьи и родичей дома Милославских, выселить царицу с царевичем Петром из старого ее помещения, находившегося возле Теремного дворца с северной его стороны, на внутреннем, или Заднем, дворе дворцовых зданий. 26 октября 1677 г. уже последовал царский указ построить царице и царевичу новые хоромы на месте двора боярина Семена Лукьяновича Стрешнева⁵². Этот двор, занимавший 104 сажени в окружности, находился подле Конюшенного Патриаршего двора и примыкал с одной стороны к Троицкому подворью, а с другой — к житницам, стоявшим на Хлебном государевом дворце. Он был удален от Теремного дворца более чем на 50 саж. Однако царица не согласилась на переселение и осталась на своем старом месте. Крекшин рассказывает, что царевич Петр сам ходил к царю-брату жаловаться на нового Годунова, боярина Языкова, который старался устроить это

⁵² 186 г. (1677 г.) октября в 26 д. по указу в. г. царя и в. к. Феодора Алексеевича (г.) велено построить хоромы государыни царицы и в. к. Наталии Кирилловны и г. царевича и в. к. Петра Алексеевича — на дворе, что был двор боярина Семена Лукьяновича Стрешнева. (Книги приемные лесным запасам.)

переселение⁵³. После того на стрешневском месте были выстроены сначала деревянные, а потом каменные хоромы для царевен, а затем и для вдовствующей супруги царя Феодора Марфы Матвеевны. Новые хоромы, построенные на этом месте, примкнув к Патриаршему двору, соединили санные церкви Екатерининскую и Евдокеинскую и вообще нынешний Терем с хорами царевен возле Троицкого подворья. Потом, в 1680 г., государь как для себя и своей супруги (М. № 20, 21, 30), так и для своих сестер, *меньших* и *больших* царевен, выстроил новые деревянные хоромы, вместо старых, которые были разобраны. Государевы хоромы стояли у Терема подле западной стены Евдокеинской теремной церкви; сюда же перенесены были и хоромы царицы и перед хорами был разведен комнатный сад, а дальше, как упомянуто, тянулся ряд хором царевниных тоже с садом. На сених у царевен, кроме перестройки их хором, государь возобновил церковь Спасова Нерукотворенного Образа и построил над ее трапезою новый храм во имя Успения Богоматери, освященный в день Успения, 15 августа 1680 г. В 1681 г. государь выстроил для своего брата Ивана Алексеевича также новые

⁵³ См.: Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872 Ч. 1. С. 48–49.

деревянные хоромы, любопытное описание которых, знакомящее отчасти и с техникою старинного плотничного дела, мы помещаем в отделе Материалов № 36, 37.

В то же время (с 1677 г.) царь Федор Алексеевич обновил и свой *Каменный верхний Терем*, со всеми церквами, которые находятся на сених этих хором в связи с собором Спаса Нерукотворенного. Возобновлен был также и этот собор (М. № 19, 26) и расписан снаружи, со стороны алтарей, *аспидом розными цветами* (под мрамор). Над приделом Иоанна Белоградского (ныне Иоанна Предтечи) он надстроил небольшой придел в честь Распятия, украсив его медным вызолоченным иконостасом. Потом, в 1679 г., среди верховых церквей, между храмом св. Евдокии (который в 1681 г. освящен был во имя Живоносного Воскресения) и между придела во имя Иоанна Белоградского, государь повелел устроить *Голгофу*, где быть *Страстям Господним*. В узком коридоре, который разделяет эти церкви, живописец Дорофей Ермолаев сделал алебастровый свод, или пещеру, которую ученики его расписали *черепашиным аспидом*, то есть под мрамор. В этой пещере, на каменной горе, расписанной также красками, поставлено было, на большом белом камне, кипарисное Распятие, сохранившееся, кажется, и доныне и вырезанное рельефно старцем

Ипполитом, искуснейшим резчиком того времени. Пещера эта была украшена алебастровыми колоннами, на тумбах и наверху с гзымзом; посреди этих колонн, против Голгофной горы, поставлена была плащаница, или Гроб Господень, над которым висели на проволоках шестьдесят алебастровых херувимов, расписанных красками *поподобию*, с золочеными по гунфарбе *нетленными венцами* и крыльями (240 крыл). Около Гроба Господня висели также 12 стеклянных лампад, а у стен стояли живописные картины, изображавшие евангельские притчи: Сошествие во ад. Воскресение, Вознесение и «Христос явился Марии Магдалине». Эти картины, писанные на полотнах живописцем Ив. Салтановым, вышиною были по 3 аршина, шириною в свету по 1 $\frac{3}{4}$ аршина. В 1681 г., 12 декабря, государь повелел устроить, между новою церковью Распятия и своих *деревянных комнат* в особой небольшой каменной палатке, *Вертоград* с Господним Гробом. Своды и стены этого Вертограда поручено было обделать мастеру Степану Заруцкому «из алебастрового камня, цветные, с разными красками». Окончить это дело государь назначил к 10 апреля 1682 г.: почему, для поспешенья, работали даже по ночам, но тяжкая болезнь и потом преждевременная смерть царя (27 апреля), вероятно, остановили и, может быть, совсем прекратили постройку этого Вертограда,

потому что в последующее время о нем уже вовсе не упоминается. Церковь Распятия возвышалась в уровень с кровлею Грановитой палаты, так что к ее алтарю был ход с этой кровли.

С другой стороны теремов, в 1681 г., перед *четвертою* теремною комнатою было устроено такое же крыльцо, какое находилось перед Переднею на Каменном дворе. Перед крыльцом была выровнена площадь и на ней поставлены для государя брусяные хоромы в длину 7 саж., поперек 6 саж., на каменных стенках, вместо подклетов, вышиною в 4 арш. Под четвертою же комнатою в подклете была устроена *мыленка* (М. № 32). Затем перестроена была церковь Рождества Богородицы (М. № 11, 31, 64). К ней приделали новую трапезу; собрали с нее главы и по сводам *выверстали* площадь наравне с площадью, которая находилась у терема под новыми хорами; на этой площади, устроенной таким образом над церковью и над трапезою, построили новый пятиглавый храм, во имя Сошествия Св. Духа, с небольшим приделом с северной стороны. В этой же местности были произведены и другие перестройки (М. № 10, 63). В 1679 г. государь возобновил также церковь Похвалы Богородицы *на новом Потешном дворе*, здание которого, сохранившееся донныне, было построено в это же время.

Из больших палат, в 1681 г., были

возобновлены две Набережные, *Ответная* и *Панихидная*; последнюю, в которой оказались трещины, связали с лица кругом железными связями; внутри также положили проемные связи; внизу, где тогда же устраивался из старого новый Набережный Нижний Красный сад на особом каменном здании, к этому зданию со стороны Тайницких ворот, для подкрепления Панихидной палаты, подведен был каменный *бык*, или контрфорс (М. № 18). Столовая изба и при ней сад, между Средней Золотой и алтарями Спасо-Преображенского собора, были разобраны, и на их месте выровнена площадь (М. № 8, 25). Столовая была перенесена в возобновленную Панихидную палату, которая и именовалась с этого времени Столовою. Между церковью Иоанна Предтечи и *Колымажными* дворцовыми воротами, в двух палатах, где были Резные и Столярные палаты, перенесенные в другое место, помещена царская *Аптека*. Потом возобновлены были все палаты Сытного, Кормового и Хлебного дворцов, по линии от *Колымажных* до *Куретных* дворцовых ворот, где теперь Кавалерские корпуса, и построены Новые портомойни в длину на 11 саж., поперек на 3 саж. (М. № 13–14, 75).

По смерти Федора Алексеевича, в ноябре 26-го числа 1682 г., часть обновленного им дворца, примыкавшая ко двору патриарха, сделалась

жертвою пожара: сгорели деревянные хоромы царя Петра Алексеевича и хоромы царевен; потом занялся и Успенский собор, на котором сгорела кровля и в главах оконницы, так что все значительные иконы и мощи чудотворцев вынесены были в это время, на случай опасности, в Архангельский собор⁵⁴. В 1683 г., на месте погоревших хором, выстроены были для царя Петра и его матери царицы Натальи Кирилловны деревянные хоромы (М. № 83, 87, 88), а для царевен: Софьи, Екатерины, Федосьи и др., живших после пожара на Потешном дворе, каменные палаты (М. № 79, 82) о трех житьях, то есть этажах, из которых в нижнем была устроена комната, *где сидеть с бояры — слушать всяких дел*: явление, по тому времени, не «совсем обыкновенное» на женской половине царского дворца, и особенно на половине царевен, но весьма понятное, если мы скажем, что эта думная комната устроена была по назначению царевны Софьи Алексеевны. В одно время с этими палатами, в 1684 г., построена на Кормовом дворце, возле новых хором царя Петра и

⁵⁴ Древняя российская вивлиофика. 1775. Ч. 10. С. 94. По случаю этого пожара для временного помещения царевен и вдовствующей царицы Марфы Матвеевны были выстроены деревянные хоромы с теремом наверху на Потешном дворе, где они и жили до постройки их новых хором на старом месте.

его Верхнего Красного сада, новая церковь во имя св. апостол Петра и Павла, тезоименитых царю. В июне того же года велено было написать в эту церковь местные пророческие и протеческие иконы и сделать иконостас, позолотив его сусальным золотом.

В 1682 г., на площадке между теремами и церковью Сошествия Св. Духа, выстроены для царей новые Брусяные хоромы, а в 1683 г. сделаны Брусяные хоромы и две избушки для царевен больших (М. № 63, 67–68, 70, 73). В 1683 г. в Меньшей Золотой палате, для подкрепления Верхоспасского собора, под своды подведены были крестообразно каменные *перететивья*, которые хотя и обезобразили эту древнюю палату, но зато спасли ее от неминуемого разрушения; потом в палатах Грановитой, Золотой Средней, Ответной и других исправлены все ветхости и возобновлено также Красное крыльцо. О многих других незначительных поновлениях и постройках не станем здесь упоминать, потому что это относится уже к полной истории дворца и не может войти в тесные пределы, назначенные для нашего очерка. Подробности о некоторых, указанных выше перестройках и поделках помещены в отделе Материалов.

В конце XVII ст., пред единодержавием Петра, дворец достиг самого цветущего состояния,

до какого не достигал он ни в одно из предыдущих царствований. В это время его обширность и относительное великолепие вполне выразили характер древней царской жизни, во всем ее блеске и царственном просторе, и с этого же времени начинается постепенное его запустение и разрушение. В год смерти последнего старинного московского царя Ивана Алексеевича, в то время, как Петр работал под Азовом, 6 июня 1696 г., на дворце сгорели государевы хоромы: выгорело все без остатка, по свидетельству Желябужского. В 1701 г., 19 июня, новый пожар опустошил весь Кремль. В тот день, как записал один современник, «в 11 часов в последней четверти волею Божиею учинился пожар в Кремле-городе, загорелись кельи на Новоспасском подворье, что против задних ворот Вознесенского монастыря. И разошелся огонь по всему Кремлю, и выгорел Царев двор весь без остатку: деревянные хоромы и в каменных все нутры, и в подклетах и в погребях запасы и в ледниках питья и льду много растаяло от великого пожара, ни в едином леднике человеку стоять было невозможно; и в каменных сушилах всякие запасы... и Ружейная Полата с ружьем; и Мастерские Государевы полаты... святые церкви, кои были построены вверху и внизу в государеве доме, кресты и кровли и внутри иконостасы, и всякое деревянное строение сгорело без остатку...

И набережные государевы полаты, и верхние и нижние, кои построены в Верхнем Саду, выгорели... И все государевы Приказы и многие дела и всякая казна погорела... Кто ни был живущие в Кремле, все без остатку погорели...» Старина истреблялась старым же ее губителем — пожаром, от которого теперь особенно пострадал Задний государев двор, большею частью жилые и служебные постройки, именно Теремный дворец, каменные хоромы царевен и все здания, прилежавшие в Патриаршему двору и к Троицкому подворью; также деревянные хоромы, стоявшие подле Терема, и большой корпус с дворцами Сытным, Кормовым и Хлебным. Хотя каменные здания и были возобновлены, но погорелые их стены не были уже столько прочны, так что через полстолетие пришли в совершенную ветхость и были разрушены по необходимости прежде других старинных зданий. Живые следы этого пожара в дворцовых зданиях оставались еще и в 1722 г.

Расположение дворца, сохранив первоначальные древнейшие черты, получило в XVII столетии, при увеличении царского семейства, более широкие размеры. Мы уже имели случай заметить, что все здания государева дворца, соответственно их назначению, составляли три особые отделения: постельные, или жилые, хоромы,

палаты, или парадные залы, и, наконец, все здания, в которых помещались различные заведения царского хозяйства. Во второй половине XVII столетия, жилые летние покои государя находились в нынешнем Теремном дворце, а зимние — в деревянных хоромах, стоявших подле Терема, одни у церкви Рождества Богородицы, другие у церкви Живоносного Воскресения; с этой же восточной стороны Терема в разных местах стояли деревянные хоромы цариц и царевичей, и больших и меньших царевен. Большие палаты, Грановитая, Золотая и др., примыкали к площади между соборами, а все хозяйственные здания расположены были в разных местах вокруг дворца, так что весь юго-западный угол Кремля, от Тайницких и до Троицких ворот, занят был дворцовыми строениями. Точное определение местности различных зданий царского дворца представляет величайшие затруднения по недостатку древних чертежей. Чертежи, хотя и деланные обыкновенно от руки, по глазомеру, составлялись и в то время, по случаю каждой постройки, а тем более значительной, каковы были каменные палаты и другие подобные здания. Есть свидетельство, что в 1686 г. составлялся общий чертеж всему дворцу, «всем государским хоромам, полатам и всяким зданиям, которые в Кремле на их государском дворе» (М. № 89). К сожалению, этот чертеж не

сохранился или, по крайней мере, неизвестен нам. Недавно мы получили возможность воспользоваться копиями с чертежей, составленных в 1751 г. Эти копии, не имеющие, однако, подробной описи, принадлежат ныне Историческому музею и представляют драгоценнейший памятник кремлевской дворцовой старины, который во многом с точностью выясняет, отчасти исправляет, отчасти подтверждает, прежние наши разыскания по этому предмету.

Пользуясь этими чертежами, а также напечатанными нами в первом томе «Материалов для истории, археологии и статистики города Москвы» (М., 1884) описями дворцовых зданий XVIII ст., мы можем представить теперь более обстоятельное обозрение старинного расположения зданий дворца во всем их составе, но, как и прежде, ограничимся указанием только главных частей. Как и прежде было сказано, лицевая сторона дворца выходила на площадь между соборами, которая, подобно площади Китай-города, также иногда именовалась *Красною* (Дв. Разр. III, 973). На эту действительно замечательную площадь дворец выдвигался самую большою и красивою из своих палат, Грановитую палатую, с лестницею возле нее, которая вела на *Красное крыльцо и Передние переходы*, простиравшиеся от угла Грановитой палаты до паперти Благовещенского собора. В

глубине между палатою и собором, на середине переходов, стояла *Золотая Средняя палата*, к которой прямо к дверям ее сеней вела с площади другая лестница. *Средняя*, известная в конце XVII ст. под именем *Золотой* лестницы и *Золотой решетки*. (Дв. Разр. I, 99. 639. III, 17, 85). Третья лестница, приводившая на те же переходы Красного крыльца, находилась в паперти Благовещенского собора и прозывалась *Благовещенскою*.

Неподалеку от Благовещенской лестницы, между соборами Благовещенским и Архангельским, стоял особняком *Казенный двор*, сохранявший государеву казну — серебро и золото в разных вещах, большею частю в посуде, которою украшались почестные царские столы; также дорогие золотные, серебряные и шелковые ткани; огромный запас сукон и других шерстяных и бумажных тканей; огромный запас *мягкой рухляди*: дорогих собольих, также куньих, беличьих и других легких мехов, которые употреблялись в то время на одежду. Для обделки мехов во дворе, в местности с южной стороны Архангельского собора, находилась *Скорняшная палата*, к которой был и особый ход за собором. Вообще на Казенном дворе сохранялась всякая домовая казна, которая употреблялась на обиход государев, а также в раздачу годового жалованья и в награду за службы.

Здесь же в *Образовой палате* хранилось множество икон, крестов, ковчегов со св. мощами и разной другой *святыни*. Казенный двор соединялся с дворцом переходами с западной стороны Благовещенского собора и особыми палатами, которые примыкали к собору с южной стороны.

Войдем в старый дворец по главной лестнице у Грановитой палаты. Эта лестница состояла из 32 ступеней и была вымощена *ступенным* белым камнем, а поверх его железными плитами. Она делилась на четыре доли тремя рундуками, или площадками, отдыхами, и простиралась по длине, с ступенями и площадками, на 11 $1/2$ саж., а в ширину на 3 саж. По левой стороне от восхода она была ограждена каменными украшенными резьбою перилами, покрытыми каменною лещедью. У каждой площадки на этих перилах был помещен каменный вызолоченный лев, всего три. Вся лестница была покрыта медною кровлею, которая над двумя нижними площадками была устроена в виде красивых шатров с орлами наверху, а верхняя площадка была покрыта *бочкою*, как это видно на картинах избрания на царство царя Михаила. Шатер над нижним рундуком, или площадкою, основан был на резных каменных столбах, сомкнутых вверху сводами в виде портика, над которыми красовались золоченые резные орлы. В пожар 1696 г. шатры погорели и с того времени уже

более не устраивались. Вся лестница осталась открытою, и из-под нижнего шатра сохранились только каменные столбы со сводами, которые в последнее время были возобновлены по старым рисункам, но, собственно, в том же разрушенном виде без необходимой шатровой кровли. Само собою разумеется, что древние кровельные шатры лестницы должны были скрывать от всенародных очей торжественные царские выходы из дворца, почему и устройство древнего покрытия лестницы оставлено как излишнее. Эта лестница еще со времен царя Федора Ивановича именовалась *Золотою*, вероятно, потому, что была расписана золотом и красками и имела золоченую кровлю, особенно в шатрах. В XVII ст. ее называли, кроме того, *Большою* и *Красною*. У входа она запиралась железною решеткою, покрытою также красками и золотом.

По лестнице всходили прежде всего *на Красное крыльцо*, как в собственном смысле называлась небольшая площадь перед входом в Грановитую палату, которая простиралась в длину (несколько дальше угла сеней Грановитой палаты) на 6 1/2 саж., а в ширину на 3 саж., какой ширины была и самая лестница. Крыльцо (или эта площадь) было покрыто особою кровлею в виде двух шатров по тесу белым железом.

От этого крыльца влево к Благовещенскому

собору до Набережной Столовой палаты протягивалась площадь *Передних переходов*, именуемых также Красным крыльцом, длиной 17 саж., шир. 11 арш., обнесенная со стороны Соборной площади каменными резными перилами. Эти *Передние переходы* и теперь существуют почти на том же месте.

С этих переходов, прямо против дверей Золотой палаты, вниз на Соборную площадь вела, как упомянуто, каменная лестница, *что слово Золотая решетка*, длиной 7 саж., шириною между перил $1 \frac{1}{2}$ саж. Внизу лестница запиралась железною створчатою решеткою, вышиною в 2 саж., шир. $1 \frac{1}{2}$ арш., которая была вызолочена, почему и называлась *Золотою*.

С площадки Красного крыльца одни двери вели на обширную заднюю площадь Постельного крыльца. Это были *Красные* двери, створчатые, обитые жемчугом и по жести расписанные золотом и красками, вышиною $3 \frac{1}{4}$ арш., шириною 2 арш. Они находились между углом сеней Грановитой палаты и углом Шатерной. Другие двери вели в сени Грановитой палаты.

Сени были длиной 23 арш., шириною 13 арш.; в них было 3 окна двойных, выходивших на Постельное крыльцо, и две двери створчатые, обитые белым железом, одни с Постельного крыльца, другие с Красного.

Грановитая палата и по старой мере имела длины от В. к З. 11 саж., ширины 10 саж.; в ней посредине, как и теперь, был столб каменный, шириною 2 1/2 арш.; в нижних стенах 12 окошек; у стен со всех 4 сторон взруб брусняной и дощатый; рундуки, т. е. площадки взруба, брусняные; у западной стены к углу стояла печь ценинная вышиною 3 саж., шир. 5 арш.; двери из сеней створчатые, обитые белым железом.

По линии Передних переходов, начиная от Красного крыльца к Благовещенскому собору, стояли следующие палаты:

Палата *Шатерная*, имевшая длины от В. к З., т. е. от Красного крыльца в глубь двора, 12 саж., ширины 3 саж. Это была кладовая, в которой сохранялась шатерная казна, всякого рода походный и хоромный наряд и убор, царские *шатры* и ставки, выходные государевы места, род балдахинов и т. п. Окна и двери этой палаты выходили на Постельное крыльцо.

Рядом с Шатерной находились *сени* Золотой Средней палаты дл. 17, шир. 13 арш. В них по сторонам дверей с Красного крыльца было два окна. Другие двери на противоположной стороне вели к Столовой избе, стоявшей на Спасском дворце, позади Золотой палаты. Третьи двери направо в углу вели в Шатерную палату. Вокруг у стен сеней находились обычные лавки.

Из сеней в Золотую палату вели двое дверей, одни парадные створчатые, другие, ближе к дверям в Столовую избу, одинакие.

Золотая палата в длину и в ширину имела 18 арш. У ее стен со всех четырех сторон были устроены брусяные взрубьы, как и в Грановитой палате. На Красное крыльцо выходило 3 окна и к Набережной палате также 3 окна. Близ малых дверей стояла ценинная печь, вышиною 6 арш., шир. 4 арш., глубиною 3 арш.

Позади палаты, на Спасском дворце, как упомянуто, стояла *Столовая Брусая изба* с сенями и с переходами, или крыльцом, которое называлось также *Соловым*. Она была покрыта высокою шатровою кровлею с орлом вверху, которая с Соборной площади была видна над кровлею Золотой палаты. Со стороны Постельного крыльца, перед избою, находился комнатный сад, расположенный над сводами нижнего этажа дворцовых зданий. С другой стороны, через переходы, стояли две Набережные палаты с особыми сенями перед каждой.

Против западных ворот Благовещенского собора, примыкая к его паперти, стояла палата *Сборная*, или *Панихидная*, именовавшаяся в конце XVII ст. *Соловою*. Как выше было упомянуто, она построена на месте великокняжеского терема и вначале называлась *Малою* в отличие от *Большой*,

т. е. Грановитой. В ней, по древнему обычаю, после царских панихид, бывали сборы большие, или собрания духовенства, которому предлагались здесь царские поминовенные обеды, отчего она и получила наименование Сборной Панихидной. (Бывал в ней *корм*, ел в палате патриарх и все власти.)

Сени перед палатою были длиною 16, шир. 21 арш., с пятью окнами и створчатою дверью. В них была также печь ценинная, выш. 6, шир. 4, глубиною 3 арш.

Из сеней в палату вели двери, также створчатые. Мерею палата была длиною 29, шир. 21 арш. В ней своды утверждались на одном столпу, как и в Грановитой, но на круглом, толщиною в $1 \frac{1}{4}$ арш. У стен со всех четырех сторон был взруб брусняной; в нижней части стен находилось 12 окон, в верхней 3 окна малых. Видимо, что она строена по тому же плану, как и Грановитая. В ней стояла печь ценинная, выш. 9 арш., шир. $4 \frac{1}{2}$ арш., глубиною $2 \frac{3}{4}$ арш.

Далее, по набережной стороне, к западу стояла Ответная Посольская палата, служившая своими стенами продолжением стен Сборной, или Столовой, палаты. Сени перед нею были мерею дл. 12, шир. 15 арш., с 4 окнами и двумя дверями, одни створчатые, другие одинакие, и с печью ценинною, выш. 5, шир. $1 \frac{3}{4}$, глубиною 2 арш.